

ПИСЬМА ВЛАДИМИРА СТРИЖЕВСКОГО (1958-1970)

Публикация Раффаэлле Вассена

Киноактер, кинорежиссер и сценарист Владимир Федорович Стрижевский (наст. фамилия Радченко, актерское имя во Франции V. de Stry, американское имя Vlad Strevy, 1892-1977) познакомился с Ольгой Синьорелли в 1943 году в Риме, где в апреле этого года на киностудии Farnesina начал съемки своего последнего фильма “La Carne e l’anima” (“Плоть и душа”).¹ Стрижевский был также одним из авторов его сценария, совместно с драматургом и автором пьесы Коррадо Альваро и сценаристом Альберто Казеллой. Художником-постановщиком фильма был его друг Б. К. Билинский.²

Доподлинно не известно, как Стрижевский попал в Италию и как познакомился с О. Синьорелли: до 1943 года он не был связан с итальянским кинематографом. Решающую роль в его переезде и знакомстве, как нам представляется, сыграл именно Борис Билинский, который в 1939 году вместе со своей женой, переехал из Парижа в Рим, и вскоре, вероятно, познакомился с Ольгой Синьорелли. В начале 1920-х годов Билинский работал во Франции на студии Société Ermolieff-Sipéna вместе со Стрижевским; здесь завязались их профессиональные и дружеские отношения.

О личности Владимира Стрижевского нам известно немного. Сохранилось несколько штрихов его портрета, сделанного в кратких воспоминаниях актрисы Изы Миранды, которая описывает его как “человека любопытнейшего”: “Каждый его жест, каждое его слово были

¹ *Miranda I. I miei registi // Star. Settimanale di cinema e altri spettacoli.* 16 giugno 1945. № 21. P. 4.

² Борис Константинович Билинский (1900-1948), художник театра и кино, плакатист, переселившийся в Италию в 1939 г. и здесь продолжавший свою театральную и кинематографическую деятельность. В FSFC хранятся два письма (1945) и одна почтовая открытка (1947) Б. К. Билинского к Ольге Синьорелли (см.: ARI, VI. T. I. P. 22).

всегда врожденным выражением его любезности”.³ Однако в истории кинематографии его имя хорошо известно.

Стрижевский начал свою деятельность в русском дореволюционном кинематографе, как актер, снявшись более чем в двух десятках фильмов. Судя по его воспоминаниям,⁴ он начал сниматься в самом начале 1910-х годов: сначала как статист (вместе с И. И. Можжухиным), потом во второстепенных ролях и, наконец, в главных, работая, в основном, на съемочных площадках киностудии “А. Ханжонков и К^о”, у режиссера Евгения Бауэра. Наиболее известными русскими фильмами с его участием были четырехсерийная уголовная драма “Сашка-семинарист” (“Русский Рокамболь”, 1915), “Набат” (1917) и “Революционер” (1917); в последнем он играет одного из главных персонажей – сына старого революционера. Первым его режиссерским опытом была сентиментальная мелодрама “Черная любовь”, в которой он играет роль негра Джо.⁵

В 1919 году в Ростове-на-Дону он снялся в главной роли (офицера Добровольческой армии) агитационного антибольшевистского фильма “Жизнь – родине, честь – никому” (реж. А. А. Волков), а в 1920 году эмигрировал через Константинополь в Париж. В Константинополе Стрижевский в июле 1920 года участвовал в создании кинематографического дома, а затем уехал во Францию. В первой половине 1920-х годов он снимался во многих фильмах, в частности в фильме Якова Протазанова “Le sens de la mort” (“Смысл смерти”, 1922). Для русского кинематографического общества “Société Ermolieff-Cinéma”, основанного в Монтрё (в предместье Парижа) в 1920 году И. Н. Ермольевым, Стрижевский снимался в фильме режиссера В. К. Туржанского “Calvaire d’amour” (“Голгофа любви”, 1923)⁶ и в сериале режиссера А. А. Волкова “La Maison du mystère” (“Дом тайн”, 1922) с И. И. Можжухиным.⁷ В этот же период он впервые выступил как сценарист фильма “La Ripro-

³ *Miranda I. I miei registi*. P. 4.

⁴ *Стрижевский В.* Памяти друга. 25 лет с Можжухиным // Иллюстрированная Россия (Париж). 1939. № 6.

⁵ Данные о кинематографической деятельности Стрижевского в дореволюционной России см. подробнее в изданиях: *Viazzi G. Strijewsky // Enciclopedia dello spettacolo / A cura di S. D’Amico*. Roma: Ed. Le Maschere, 1954. Т. IX. P. 491; Энциклопедия отечественного кино. СССР/СНГ. Под ред. Любви Аркус. <http://russiancinema.ru>.

⁶ *Albera F.* Albatros. Des Russes à Paris 1919-1929. Milano: Edizioni Gabriele Mazzotta – Cinémathèque française, 1995. P. 172.

⁷ О фильмах с участием Стрижевского в эмигрантском кинематографе 1920-1924 гг. см. подробнее: Летопись русского кинематографа за рубежом / Сост. Р. М. Янгиров. http://www.bfrz.ru/data/cinematograf_iangirov/letopis.pdf.

ste” (“Отпор”, 1922) Туржанского.⁸ Именно на этой студии, по всей вероятности, и произошла первая встреча его с Борисом Билинским – одним из авторов сценария фильма “Le brasier ardent” (“Пылающий костер”, 1923), единственного фильма кинообщества “Альбатрос”, вдохновленного французским авангардом.⁹

Осенью 1923 года Стрижевский вместе с Иосифом Ермольевым переехал в Мюнхен, где начал сотрудничать с “Ermolieff Films” – новым кинематографическим домом Ермольева. Интерес зрителя к большим историческим полотнам и экранизации русской классики инспирировал съемку двухсерийного фильма по повести Гоголя “Тарас Бульба” (1923, прокат 1924),¹⁰ который, по сути дела, явился первым серьезным дебютом Стрижевского-режиссера. В Берлине картина эта была встречена с большим энтузиазмом, в отличие от Парижа, где критика отозвалась о фильме прохладно.¹¹ В Германии Стрижевский ставил также совместно с И. И. Мозжухиным фильмы на исторические русские темы: “Der Adjutant des Zaren” (“Адъютант царя”, 1929, Greenbaum-Film), “Spielereien einer Kaiserin” (“Забавы императрицы”, 1930, Greenbaum-Film) и “Troika” (“Тройка”, 1930, Hisa Film Vertrieb).

В тридцатые годы он снова переехал во Францию, написал сценарий и снял фильм “Le Sergent X” (“Сержант X”, 1931), где специально для И. И. Мозжухина был написан главный персонаж – русский, плохо говорящий по-французски (у актера были проблемы с языком, что стало для него серьезным тормозом при съемках в звуковом кино). В 1930-е годы во Франции он выступал режиссером и сценаристом еще нескольких фильмов, в том числе был одним из авторов сценария фильма “Crime et châtiment” (“Преступление и наказание”, 1935, Général Production) П. Шеналья.

Испытав гонения в оккупированной Франции и нацистской Германии, Стрижевский приехал в Италию, где Билинский, пользуясь своими связями в киностудии Titanus, помог ему получить для постановки кинокартину. Однако, это был сложный период в жизни Италии, обеспокоенной войной и медленной агонией фашизма. Особенно тяжел для

⁸ Там же.

⁹ *Albera F.* Albatros. Des Russes à Paris 1919–1929. P. 73 ; *Nusinova N.* I russi in Europa. Il cinema della prima emigrazione // Storia del cinema mondiale. Torino: Einaudi, 1999. T. 1. P. 373–374.

¹⁰ Летопись русского кинематографа за рубежом. С. 48. См. также *Nusinova N.* I russi in Europa. P. 367.

¹¹ О картине и ее оценке зрителями см.: *Янгиров Р.* “Рабы немного”: Очерки исторического быта кинематографистов за рубежом. 1920-1930-е годы. М.: Русский путь, 2007. С. 109.

Рима был июль 1943 года, когда город подвергся бомбардировке союзников, а в сентябре того же года был занят нацистами.

В длительные мрачные месяцы нацистской оккупации, продлившейся до июня 1944 года, квартира Ольги Синьорелли на улице Корсини представляла собой оазис мира и семейного тепла. Напомним, что в эти годы происходит особенно близкое общение О. Синьорелли (через ее друга А. Милоша) с миром актеров и режиссеров. Стрижевский оказался в родной ему стихии. Он выразил свою благодарность в стихотворном экспромте (на итальянском языке), записанном в новогоднюю ночь, 1 января 1944 года и сохранившемся в альбоме Синьорелли:

...Разбиты мечты, и сердца в горе страшном...
повсюду – война, и повсюду – порыв.
Но есть ведь здесь фея, что все превращает:
Войну в мир, в улыбку – кошмар,

В Россию – Рим, а Тибр – словно Волга.
За счастье пьет каждый до самого дна!
Да здравствует Фея по имени Ольга!
За здравье ее мы поднимем, ура!¹²

Политическая ситуация отразилась и на работе Стрижевского. Фильм “*La Carne e l’anima*”, посвященный жизни звезды венгерского кабаре и поставленный на студиях Titanus (в Риме и в местности Россаго в Абруццо),¹³ во избежание конфискации немцами, скрывали в самых немислимых уголках Рима, и, как вспоминает участница событий, Иза Миранда, так и не успели доделать и по-настоящему отснять и смонтировать.

Фильму не помешала бы возможность пересъемки кое-каких сцен первого плана или кое-каких маленьких сценок. Но такой возможности не было. Не оказалось возможным сделать это и когда можно было вынести фильм на Божий свет, поскольку немцы на оккупированной “Фарнезине” разграбили склад костюмов, включая платья, которые я одевала на съемках фильма, и разрушили все конструкции.¹⁴

Фильм вышел на экран только после окончания войны, осенью 1945 года и был встречен критикой не слишком благосклонно: режис-

¹² См. фото с автографа этого листа альбома: ARI, VI. T. 2. P. 287.

¹³ *Il Viandante. Nati per amare // Cinema. Quindicinale di divulgazione cinematografica*. VIII. № 168. 25 giugno 1943. P. 372.

¹⁴ *Miranda I. I miei registi*. P. 4.

суру Стрижевского она сочла излишне витиеватой и натянутой¹⁵ и обвинила режиссера в недооценке таланта и игнорировании актерских данных Миранды, “роковой женщины” итальянского кино тридцатых и сороковых годов:

После незабываемой роли в “Fu Mattia Pascal” <“Покойный Маттия Паскаль”> неблагодарная и жестокая судьба заставила все ту же Миранду играть глупые и напыщенные сюжеты, участвовать в ролях, являвших собой лишь человеческие подобию, некий эрзац персонажей, хоть порой и рафинированных, но не живых не страждущих людей, что так ей подходило. На этот раз судьба, в лице режиссера Стрижевского и его помощников, заставила Миранду играть в пьесе со схематичной и дурной интригой, героиня которой являлась своего рода кузиной Анны Кристи.¹⁶

Вряд ли до Стрижевского дошли эти неллицеприятные суждения итальянской критики. Еще до выхода фильма, летом 1944 года, американский президент Франклин Рузвельт официально берет на себя обязательство перевезти тысячу политэмигрантов из Италии в Соединенные Штаты. Отбор производился в Риме, и среди тысячи отобранных, по большей части – евреев, оказался Стрижевский. 16 июля 1944 года, письмом по-итальянски из Аверсы, он прощается с Синьорелли и с друзьями, которых встретил в Риме (среди них он называет художника А. Я. Белобородова, А. И. Лозина-Лозинскую, театральных режиссеров П. Ф. Шарова и А. Санина), и через несколько дней на американском военном корабле “Генри Гиббинс” навсегда покидает Италию.¹⁷

Судя по почтовым штемпелям на поздравительных открытках, посланных им Синьорелли (от 18 декабря 1944 года и от 17 декабря 1945 года), Стрижевский, прибывший в Соединенные Штаты 3 августа 1944 года, около полутора лет провел в Форт-Онтарио, в штате Нью-Йорк, в лагере для политэмигрантов в ожидании выдачи американского паспорта.¹⁸ В январе 1946 года, по решению правительства Соединенных

¹⁵ См. отзывы Луиджи Коменчини под псевдонимом: *Vice*. La carne e l'anima // L'Indipendente. 7 novembre 1945; *Vice*. La carne e l'anima // L'Unità. 8 novembre 1945.

¹⁶ А. П. [Antonio Pietrangeli]. Sala di proiezione // *Star*. Settimanale di cinema e altri spettacoli. 10 novembre 1945. № 42. P. 2. Анна Кристи – героиня одноименного фильма (1930), проститутка, которую играла Грета Гарбо. Похожие обвинения выдвигает против Стрижевского и анонимный автор рецензии на фильм “Плоть и душа” в статье “Cinema e concerti” (*La Nuova Stampa*. 2 marzo 1946).

¹⁷ О переезде тысячи беженцев из Италии в США в 1944 г., см.: *Gruber R. Haven: the dramatic story of 1000 refugees and how they came to America*. New York: Three Rivers Press, 2000.

¹⁸ Имя Стрижевского находится также в списке 982 беженцев Форта Онтарио, опубликованном на сайте Safe Haven Museum: <http://www.safehavenmuseum.com/List-2.html>.

Штатов 982 политэмигрантам Форты Онтарио дали американское подданство. Таким образом Стрижевский в декабре 1946 года покинул лагерь и поселился на западном побережье Соединенных Штатов, в Лос-Анджелесе, где прожил более тридцати лет. Здесь он умер 7 октября 1977 года.

Из Лос-Анджелеса в период между 1946 и 1970 годами он послал Синьорелли два письма и девять поздравительных открыток. Несмотря на то, что переписка была редкой и с перерывами, корреспонденция Стрижевского свидетельствует о глубоком чувстве благодарности автора к Синьорелли, о живой памяти об их встречах в драматической обстановке Второй мировой войны. Хотя в письмах к Синьорелли, написанных Стрижевским из Соединенных Штатов, он относится к Голливуду как к семейному дому, пусть и малолюбимому (по причине поверхностности и интеллектуальной нищеты его продукции), поиски собственной кинематографической деятельности в этой “империи синема” не увенчались успехом.

В FSFC сохранилось автографы трех писем (1944; 1958; 1970) и одиннадцати поздравительных открыток (1944; 1945; 1946; 1947; 1953; 1954; 1956; 1957; 1967; 1968; 1970) Стрижевского. Из них ниже публикуются два. Ответы Синьорелли не сохранились.

1

Июль 1958, Hollywood

Моя дорогая Ольга Ивановна,

Пользуюсь счастливым случаем и любезностью моего друга, который едет в Италию, чтобы переслать Вам через него – мой сердечный привет, лучшие пожелания и уверения в моей искренней к Вам привязанности, любви и дружбе.

Но, прежде всего, позвольте мне познакомить Вас с моим другом – Владимиром Александровичем Кассат.¹ Он житель Hollywood'а и, несмотря на долгие годы, прожитые здесь, – остался “европейцем” (в хорошем значении этого понятия): любит и интересуется искусством, обожает Италию, переводит Данте и сохранил в себе способность искренне и глубоко увлекаться всем, достойным этого!

Я надеюсь (и уверен!), что Вы примете его с Вашим обычным радушием и добрым расположением. В том же, что он понравится Вам, – я не сомневаюсь вовсе!

Он сможет рассказать Вам обо мне более подробно, чем можно написать в письме. Но со своей стороны скажу Вам только, что скучаю, скучаю я невероятно: скучаю по театру, по опере, искусству, по друзьям и по Вам, моя хорошая Ольга Ивановна!

Чем мы живем и дышим в нашей “Столице Мировой Синематографии” – Володя Вам расскажет лучше, чем я!

От этой тоски по искусству – я начал заниматься коллекционированием голосов всех больших и известных людей.² В моей коллекции имеются голоса Шаляпина, М. Battistini,³ Adelina Patti,⁴ Luisa Tetrazini,⁵ Tito Ruffo,⁶ Собинова,⁷ Неждановой,⁸ Marcella Sembrich,⁹ De Lucca,¹⁰ Anselmi,¹¹ Caruso,¹² Gigli,¹³ Nelli Melba,¹⁴ Sagra Bernhard¹⁵ и многих других. Но некоторых редких голосов у меня, к сожалению, нет. Напр. у меня нет ни Eleonore Duse, ни знаменитого тенора Мазини,¹⁶ и многих других.

А я знаю от людей, которые слышали их пластинки, что записи их голосов имеются, но я не могу найти их здесь. Вот у меня мелькнула мысль обратиться к Вам с просьбой помочь мне заполнить этот пробел.

Вы были близким другом Дузе, Вы должны знать, где имеются ее пластинки, и при Вашем содействии и добром желании (в котором я не сомневаюсь) Вы сможете помочь моему другу переписать их на пластинки или на “tape” (новый способ рекордирования на звуковую магнитическую ленту).

Милая Ольга Ивановна, сделайте это для меня! Узнайте, где и у кого находятся эти пластинки, добейтесь разрешения переписать их – и

сообщите об этом моему другу, а он уже организует практически, как их перерекордировать.

Я думаю, что Вам с Вашими знакомствами и связями это будет не трудно. Быть может, Вы воспользуетесь для этого именем *Cassiatore*, как заведующих Музеем Shelley и Keats'a.¹⁷

Что меня интересует больше всего другого, – это получить голоса: 1) Eleonora Duse 2) Мазини и 3) Льва Ник<олаевича> Толстого. Пластика с его голосом была у Татьяны Львовны Толстой,¹⁸ и я слышал ее в бытность мою в Риме. Татьяна Львовна проиграла ее мне и покойному Боре Билинскому. Но Татьяна Львовна, я знаю, умерла, а пластинка Льва Николаевича хранится теперь у дочери Татьяны Львовны,¹⁹ которая живет в Риме. К сожалению, я не знаком с нею и не могу поэтому обратиться к ней с этой просьбой. Но, думаю, что Вы знаете ее, и умоляю Вас, и через Вас – ее, – дать мне возможность сделать копию этой пластинки.

Кроме всего этого мне очень хочется иметь у себя Ваш голос, и для этого я очень, очень прошу Вас, когда мой друг Володя Кассат будет делать запись других пластинок, – прочесть что-нибудь, – напр., отрывок из Вашей книги о Дузе.

Ольга Ивановна, сделайте мне этот подарок – прочтите пару строчек! Кроме этого я хотел бы иметь от Вас еще один подарок: экземпляр Вашей книги о Дузе, с Вашим автографом.

Я знаю, что Вы не откажете мне в исполнении моих просьб и заранее благодарю Вас от всего сердца!

Мне очень совестно затруднять Вас, милая Ольга Ивановна, но так как у меня нет в Риме никого (кроме Вас), к кому бы я мог обратиться, – я затрудняю Вас еще одной просьбой: когда я уезжал из Рима, я не мог взять с собой многих моих вещей и оставил их у Бори Билинского. Вещи эти теперь мне не нужны больше, но, среди них есть – фотография (единственная) моей матери (со мною на руках, – когда мне было несколько месяцев). Это единственная память о моей матери, и мне бесконечно хотелось бы найти ее. Но, к сожалению, я не знаю – где Франса,²⁰ где ее мать, и не знаю, как мне снестись с ними.

Я был бы Вам бесконечно благодарен, если бы Вы помогли мне в этом. Быть может, Вы знаете (или можете узнать) адрес Франса или ее матери и попросить их найти эту фотографию и передать ее Вам. Она старого кабинетного размера, на паспарту с названием фотографа, который снимал ее в Екатеринославле. В рамке, но рамка мне не важна, а фотография эта – единственная память о моей покойной маме. Если сможете, – доставьте ее, ради Бога, и перешлите ее мне (или передайте Володе Кассат).

Простите меня, моя дорогая Ольга Ивановна, за все беспокойства, которые я причиняю Вам и благодарю Вас, так как знаю, что Вы сделаете все возможное, чтобы исполнить мои просьбы.

Нежно обнимаю Вас и очень прошу передать мой горячий привет Вашим дочерям и Sgn. Cacciatore.

Сердечно преданный Вам и любящий Вас

Вл. Стрижевский

(Strevy)

¹ Неустановленное лицо.

² Возможно, что Стрижевский имел пластинки из серии, известной под названием “A Master’s Voice”, обладателем которой была известная английская студия звукозаписи Gramophone Recordings; серия состояла из записей лучших музыкальных исполнителей мира. Почти все приведенные Стрижевским имена действительно появляются в официальных каталогах, относящихся к разным странам, в которых производилась запись (см.: His Master’s Voice. La Voce del Padrone. The Italian Catalogue. A Complete Numerical Catalogue of Italian Gramophone Recordings made from 1898 to 1929 in Italy and elsewhere by the Gramophone Company Ltd.. Compiled by Alan Kelly. New York, Westport, Connecticut, London: Greenwood Press, 1988).

³ Маттиа Баттистини (Mattia Battistini, 1856-1928), знаменитый итальянский певец-баритон. До Октябрьской революции он часто гастролировал в России. См. о нем и его связях с Россией в статье: *Соливетти К.* Жизнь в искусстве и искусство жизни: Маттиа Баттистини (биография, легенда, миф) // “Беспокойные музы”: К истории русско-итальянских отношений XVIII-XX вв. Салерно 2011. С. 59-90.

⁴ Аделина Патти (Adelina Patti, 1843-1919), итальянская певица-сопрано, жила и работала в Соединенных Штатах.

⁵ Луиза Тетрацини (Luisa Tetrazzini, 1871-1940), итальянская певица-сопрано. С 1890 г. пела на оперных сценах Италии и других стран, в том числе в России, где в 1899 г. исполнила роль Людмилы в опере “Руслан и Людмила”.

⁶ Титта Руффо (Titta Ruffo, 1877-1953), итальянский певец-баритон. О встрече с ним пишет в своем произведении “Соловей” (1929) А. И. Куприн (см. *Куприн А. И.* Собр. соч.: В 6 тт. М.: Художественная литература, 1958. Т. 6. С. 39-41).

⁷ Леонид Витальевич Собинов (1872-1934), русский тенор, с 1897 г. солист Большого театра.

⁸ Антонина Васильевна Нежданова (1873-1950), русская оперная певица.

⁹ Марчелла Сембрих (Marcella Sembrich, 1858-1935), польская певица, жила и работала в Соединенных Штатах.

¹⁰ Джузеппе Де Лука (Giuseppe De Luca, 1876-1950), итальянский певец-баритон.

¹¹ Джузеппе Ансельми (Giuseppe Anselmi, 1876-1929), итальянский певец-тенор. С успехом выступал в Италии, в Ла Скале, и в Америке, а с 1904 г. неоднократно гастролировал по России.

¹² Энрико Карузо (Enrico Caruso, 1873-1921), знаменитый итальянский певец-тенор.

¹³ Бениамино Джигли (Beniamino Gigli, 1890-1957), итальянский певец-тенор, гастролировал в Ла Скале и в самых знаменитых театрах Северной Америки.

¹⁴ Нелли Мельба (Nellie Melba, 1861-1931), австралийская певица-сопрано.

¹⁵ Сара Бернар (Sarah Bernhardt, 1844-1923), французская артистка. Существуют всего восемнадцать записей голоса Сары Бернар, произведенных с 1902 г. по 1918 г. См. *Menefee D. W. Sarah Bernhardt in the theatre of films and sound recordings*. Jefferson (North Carolina): McFarland, 2003.

¹⁶ Анжело Мазини (Angelo Masini, 1844-1926), итальянский певец-тенор. С 1876 г. неоднократно гастролировал в России, где выступал в “Аиде” Дж. Верди, в “Севильском цирюльнике” Дж. Россини и в “Мефистофеле” А. Бойто.

¹⁷ Директором Музея Шелли и Китса в Риме являлась Вера, дочь Ольги Синьорелли и жена писателя и поэта Эдоардо Каччаторе (Edoardo Sacciatore, 1912-1996).

¹⁸ Татьяна Львовна Сухотина Толстая (1864-1950). О ней см. *Lo Gatto, E. I miei incontri con la Russia*. Milano: Mursia, 1976. P. 86-93. Об истории звукозаписей голоса Л. Н. Толстого см. *Шолов Л. Голоса, зазвучавшие вновь*. М.: Просвещение, 1977. С. 19-35. Сохранились два ее письма к Синьорелли (см.: ARI, VI. Т. 1. P. 72).

¹⁹ Речь идет о Татьяне Михайловне Сухотиной-Альбертини (1905-1996), которая в 1925 г. эмигрировала в Париж вместе с матерью и в 1930 г. вышла замуж за Леонардо Альбертини, сына главного редактора “*Coggiere della Sera*” Джуиджи Альбертини.

²⁰ Франка Фелан (Franca Felan, 1918-2012), жена Б. К. Билинского. Играла под псевдонимом Франка Белли в итальянских фильмах “*Amore imperiale*” (Titanus, 1941), “*La Storia di una Capinera*” (Titanus, 1943) и “*Lo sconosciuto di San Marino*” (Film Gamma, 1946). Сохранилось ее письмо к Синьорелли (см.: ARI, VI. Т. 1. P. 22).

2

Hollywood, April 30, 1970

Христос Воскресе!

Моя дорогая Ольга Ивановна, каким радостным подарком для меня к Пасхе – было Ваше письмо, которое я получил сегодня.

Я уже боялся, что потерял Вас, так как один мой приятель, который был недавно в Риме и которого я просил повидать Вас и передать Вам мой привет и просьбу о Вашем автографе на “*Vita di Eleonora Duse*”,¹ – привез мне книгу без Вашей надписи, так как, по его словам, – не мог найти Вас, будто бы Вы не были в Риме. Да простит ему Господь эту ложь, единственное оправдание которой я вижу лишь в том, что у него было очень мало времени: он пробыл в Риме всего несколько дней.

Сейчас я заканчиваю читать Вашу книгу и хочу выразить Вам мой восторг и восхищение, которые она вызвала у меня. Как полно, ярко и увлекательно нарисовали Вы облик Великого Художника Сцены!

Вашим описанием образа Дузе – Вы дополнили непоправимый пробел в моей жизни: мне никогда не пришлось увидеть эту великую артистку на сцене (если не считать ее немного фильма “Пепел”²).

Спасибо Вам за радость, которую Вы доставили мне Вашей книгой. И спасибо Вам за Вашу трогательную дружбу ко мне, которую я горячо ценю и храню глубоко в моем сердце.

Буду очень признателен Вам, дорогая Ольга Ивановна, если Вы, при случае, передадите мой сердечный привет милым Лозина-Лозинским,³ которые, как я вижу из Вашего письма, тоже не забывают меня.

Еще раз благодарю Вас, обнимаю и желаю здоровья и радости!

Искренне Ваш Владимир Стрижевский

(ныне Strevy)

¹ Речь идет о книге: *Signorelli O. Vita di Eleonora Duse*. Bologna: Cappelli, 1962.

² Фильм Фебо Мари “Cenere” (Пепел) вышел в 1916 г. О нем см.: *Signorelli O. L'unico film della Duse // Video. La rivista della televisione*. 1971. №. 1. P. 11-15.

³ Речь идет об Анне Ивановне Лозина-Лозинской (урожд. Щегловитой, 1895-1970) и ее муже Константине Константиновиче Лозина-Лозинского (1894-1986), которые покинули Россию в 1920 г. и после долгих переездов (Канада, Колумбия, Марокко и Эритрея) с 1940 г. постоянно жили в Риме. Чета Лозина-Лозинских были в близких отношениях с семьей Вяч. Иванова и с О. Синьорелли. 8 писем и 9 открыток Анны Ивановны с июля 1941 по июль 1968 г. хранятся в FSFC (ARI, VI. T. I. P. 48).

Via Corsini. Roma. 1950-е гг. Фотография О. Реккья

ПИСЬМА П. Ф. ЧЕЛИЩЕВА (1953-1957)

Публикация Михаэлы Бёмиг

Павел Челищев (Pavel Tchelitchew, Pawel Tschelitscheff) родился в 1898 году в имении Дубровка (Калужская губерния) в старинной и богатой дворянской семье. Он был в основном самоучкой, и только после 1918 года, когда революция вынудила семью художника переехать в Киев, начал заниматься живописью более профессионально: работал в Украинской Академии Художеств и в мастерской Александры Экстер, где познакомился с ее учениками и соратниками И. Рабиновичем, А. Петрицким, А. Тышлером, Н. Шифриным, К. Редько, В. Меллером, Л. Козинцевой, С. Юткевичем и др. В том же году началась и его деятельность в качестве театрального художника: он работал с режиссером Константином Марджановым, который в первые послереволюционные годы являлся комиссаром киевских театров.

Во время Гражданской войны Челищев служил картографом в армии Деникина и в 1920 году вместе с ней был эвакуирован в Константинополь. Здесь он оформлял балеты для трупп Бориса Князева и Виктора Зимина (Илл. 8, 9). В 1921 году Челищев покинул Турцию и, следуя за потоком эмигрантов, через Болгарию (где он проиллюстрировал сборник евразийцев “Исход к Востоку. Предчувствия и свержения”, София 1921), Югославию и Австрию достиг Берлина, центра русской эмиграции в начале 1920-х годов.

В столице Германии он начал свою интенсивную деятельность в русских театральных антрепризах, а далее – и на немецкой сцене. Вместе с Ксенией Богославской, женой Ивана Пуни, Андреем Худяковым и Георгием Пожедаевым Челищев стал одним из главных художников русского театра миниатюр “Синяя птица” Яши Южного и некоторых других кабаре (“Театр Дуван-Торцова”, “Маски”). Пестрые миниатюры спектаклей “Синей птицы” напоминали русскому зрителю театральную жизнь предреволюционной России; немецкой же публике они открывали блеск современного русского театрального искусства, и все это вызывало восторг как художественных, так и театральных критиков. Кро-

ме того, Челищев оформлял спектакли балетного ансамбля Бориса Романова “Русский романтический театр”, где познакомился с художниками Владимиром Боберманом, Филиппом Гозиасоном, Львом Заком и др. Челищев был одним из немногих русских художников, сотрудничавших и с немецкими режиссерами: в конце 1922 года он был приглашен изготовить эскизы костюмов и декораций для трагедии “Савонарола” по пьесе J.-A. De Gobineau в Theater in der Königgrätzer Strasse.

В работах берлинского периода Челищев отдал дань любимому русской и иностранной публикой так называемому “русскому стилю”, в котором сочетались элементы стилизованного фольклора, реминисценции стиля модерн и формальные приемы русского авангарда. Однако его самые удачные декорации и костюмы были гораздо более оригинальными и выразительными, чем творения других русских художников-эмигрантов. В его эскизах декораций и костюмов к музыкальным драмам “Der König rief seinen Tambour” (“Бить в барабан велел король”, 1922), “Die drei Trommler” (“Три барабанщика”, 1922), “Die Werbung” (“Сватовство”, 1922) для “Синей птицы” и в сценографии балетов “Bojarenhochzeit” (“Боярская свадьба”, 1922) и “Tempelopfer der Atoraga” (“Жертвоприношение Атораги”, 1923) для “Русского романтического театра” стихийная энергия неопримитивизма обуздана формальной строгостью кубизма, геометрические фигуры которого, в свою очередь, приобретают несвойственную им динамику под воздействием изобразительной техники футуризма. Таковы, в частности, доминирующие в эскизах костюмов характерные спиралеобразные мотивы, которым предстоит сыграть столь важную роль в дальнейшем творчестве художника. Геометрический экспрессионизм – вот наиболее точное определение эклектического, но вместе с тем и органичного, характеризующегося четкими формами и яркими красками, стиля Челищева в берлинский период его творчества.

В 1923 году художник поселился в Париже и приобрел ателье на бульваре Монпарнас. Вместе с Christian Bérard, братьями Евгением и Леонидом Берманами и Kristians Tonny в 1926 году он организовал группу “неоромантиков” или, по определению Waldemar George, “неогуманистов”. На основе новой концепции фигуративного искусства работами художников этой группы сформирована особая стилевая разновидность сюрреализма, с акцентированными визионерскими и онирическими чертами.

В Париже Челищев занялся астрологией и оккультизмом и увлекся “Божественной комедией”: из чтения Данте впоследствии вырос его не до конца реализованный замысел триптиха “Ад-Чистилище-Рай”. Он экспериментировал с разными материалами (кофе, песок: картина “Двойная фигура”, 1925-1926), и выполнял монохромные работы, сви-

детельствующие об отточенности его мастерства в трактовке контуров и объемов. Фигуры на его полотнах или многократно дублируются, или распадаются на составные части: таким образом, творческая манера Челищева сочетает романтические мотивы двойника и марионетки с фантастикой сюрреализма (“Испанский танцор”, 1930). Художник работал и в технике объемного коллажа из разных предметов; кроме того, он увлекался темой цирка как символа суеты сует в таких картинах как “Жонглер” (1931), “Голубой клоун” (1931), “Клоунесса” (1932) – быть может, не без влияния картин Пикассо голубого и розового периодов.

Челищев продолжал работать и как театральный художник, занимаясь в основном оформлением балетных постановок. В 1928 году, вместе с Pierre Charbonnier, он выполнил эскизы декораций и костюмов для балета “Ode” на музыку Николая Набокова, поставленного по мотивам лирики Ломоносова хореографом Леонидом Мясиним для Русских сезонов Дягилева в Париже (Илл. 10). Для этого спектакля художник разработал совершенно оригинальные приемы осветительной техники, призванные передать световой эффект северного сияния.

П. Ф. Челищев. Фото George Platt Lyne. 1948 г.

В начале 1930-х годов Челищев переехал в Соединенные Штаты и поселился в Нью-Йорке, где в последующие годы состоялся ряд его персональных выставок в галереях Julien Levy и Durlacher Bros. Здесь он начал работать с Жоржем Баланчиным, с которым впоследствии часто сотрудничал. Их первая совместная постановка – балет “Orpheus and Eurydice” (“Орфей”) на музыку Х. В. Глюка для American Ballet, прошедший в 1936 году на сцене Метрополитен-Опера. В 1936-1938 годах художник написал одну из известнейших своих картин, “Rhéno-mène”, первую часть будущего триптиха “Ад-Чистилище-Рай”, и экспонировал ее в галереях Лондона, Нью-Йорка и Парижа.

В 1938 году Челищев возобновил сотрудничество с Мясиним, оформив для антрепризы Ballets de Monte-Carlo de René Blum балетный спектакль “Nobilissima visione” (“Благороднейшее видение”, хореография Мясина), поставленный в Лондоне на музыку П. Хиндемита. В следующем году, по приглашению режиссера Louis Jouvet, Челищев как сценограф участвовал в постановке спектакля “Ondine” (“Ундина”) по пьесе J. Giraudoux в театре L’Athéné в Париже. В 1942 году он был участником выставки “Художники в изгнании”, состоявшейся в парижской галерее Pierre Matisse, где среди прочих экспонировались и другие русские художники, такие как О. Цадкин, М. Шагал, Ж. Липшиц.

В американский период Челищев написал вторую часть вышеупомянутого триптиха под названием “Игра в прятки” (1940-1942) и выставил ее в 1942 году в галерее Julien Levy в Нью-Йорке. Его стилистика этих лет демонстрирует особую разновидность сюрреализма, синтезирующего вымышленные пейзажи с фантастической архитектурой и ирреальными анатомическими формами.

Яркая индивидуальность художника более всего выразилась в живописной серии 1940-х годов: это своеобразные “внутренние ландшафты” в стиле анатомического сюрреализма, такие, как “Мускульная система” (1941, эскизы костюмов к нереализованному балету Баланчина “Пещера сна”), гуашь “Золотой закат” (1943), рисунок чернилами “Прозрачная голова” (1944), акварель “Внутренний пейзаж” (1944); в 1945 году все эти работы экспонировались на персональной выставке Челищева в галерее Дюрлахера в Нью-Йорке. В этих композициях художник, в 1930-х годах увлекавшийся, по его собственному выражению, “тройной перспективой”, а в 1940-х занимавшийся “перспективой внутренней”, представляет человека изнутри, как бы изготовляя своего рода живописно-анатомический препарат: без покровов кожи, с открытыми зрительскому взгляду мускулами, кровеносными сосудами, нервами. Призрачность этих картин, придающая им почти метафизическое значение, подчеркнута их ирреальной люминесценцией, создающей иллюзию собственного свечения объекта. Среди других полотен в русле

этого направления можно назвать картины, исполненные в разной живописной технике: “Пчелиный рой” (1945), “Анатомическая живопись” (1946), “Открытая голова” (1946), “Внутренний пейзаж 5” (1946), “Бог дождя” (1947), “Внутренний пейзаж (VII Череп)” (1949), “Лабиринт” (1949), “Внутренний пейзаж” (1949).

Большую часть лета 1946 года художник провел на Бермудских островах. В 1952 году он получил американское гражданство и в том же год переселился в Италию (см. письмо № 3), где прошли последние годы его жизни; сначала художник обосновался в городке Grottaferrata около Рима, потом переехал во Frascati на Альбанских горах, где и умер в 1957 году. Прах Челищева захоронен на парижском кладбище Пер Лашез.

В 1950-е годы стиль Челищева становится все более абстрактным. В его полотнах человеческие головы или бюсты освобождаются от всего телесно-плотского и превращаются в подобие прозрачной паутинообразной ткани или проволочному сплетению сложных геометрических конфигураций, в которых доминирует его излюбленный мотив развернутой в пространстве спирали (“Голова со стороны”, 1951; “Меркурий”, 1956). Иногда эти антропоморфные конструкты заключены в клетку из геометрически-строгих линий. Челищев постепенно убирает все фигуративные намеки, сохраняя лишь общую композицию из переплетающихся в ее центральной части тонких линий, которые образуют сферическую, овальную или спиралеобразную фигуру, заключенную в геометрический каркас из прямых линий, напоминающий своими очертаниями структуру кристалла или планетную систему (“Выстрел каштана”, 1954; “Прославление”, 1954; “Абстрактная композиция”, 1956; “Незавершенное”, 1957). До конца жизни художник работал над заключительной частью триптиха “Ад-Чистилище-Рай”, к которой он приступил еще в начале первой половины 1940-х годов, но которая так и осталась незаконченной.¹

¹ Подробней о П. Ф. Челищеве см.: *Böhmig M. Das russische Theater in Berlin 1919-1931. München 1990; Böhmig M. Die Maler der russischen Kleinkunstbühnen im Berlin der 1920 Jahre // Russische Emigration im 20. Jahrhundert. München 2005. P. 73-100; Бойлм Дж. Художники русского театра 1880-1930. Собрание Никиты и Нины Лобановых-Ростовских. М. 1990; Die russische Avantgarde und die Bühne 1890-1930, ausgewählt aus der Sammlung Lobanow-Rostowsky von Nikita Lobanow / herausgegeben und bearbeitet von Heinz Spielmann; einführender Essay von John E. Bowl; Bearbeitung der Künstler-Biographien von Susanne Timm. Schleswig 1991; Рай Павла Челищева / Le Paradis de Pavel Tchelitchev. Москва-Пустынь-Цюрих 2005; Лейкинд-Махров-Северюхин, 1999.*

В архиве Ольги Синьорелли сохранилось всего 23 единицы хранения, из них 14 писем, 5 открыток и 4 типографских листа (пригласительные билеты и проспекты выставок), посланных им в 1953-1957 годы из Гроттаферраты, Рима, Фраскати и Парижа. В них художник сообщает о выставках, размышляет о своем творческом методе и делится повседневными заботами. Переписка открывается письмом Челищева от 2 марта 1953 года. Хотя на конверте как адресат указана дочь Синьорелли – Мария, письмо обращено к Ольге, поскольку содержит благодарность за оказанную медицинскую помощь. Из него явствует, что посредником их знакомства был итальянский художник Фабрицио Клеричи, близкий приятель Челищева и свой человек в доме Синьорелли. Кончается переписка письмом больного художника, описывающего своему другу-врачу симптомы смертельной болезни. По прошествии трех месяцев Челищева не стало: он умер 1 августа 1957 года.

Характерной стилевой чертой писем является русско-французско-итальянская полигlossия. Они печатаются с соблюдением индивидуальных авторских норм словоупотребления, и отдельных элементов авторской пунктуации, т.е. устаревших русских речевых оборотов, многочисленных тире и некоторых характерных и устойчивых ошибок не только во французском и итальянском, но и в русском языках, которые мы сочли нужным сохранить, как особенности его стиля. Сохранившиеся элементы от старой орфографии, нерегулярно встречающиеся в письмах, переведены на современное написание.

1

2. 03.<19>53

Villa Sereni, Via Anagnina 80
Grottaferrata (Roma)

Спасибо Вам большое за Ваши любезные хлопоты по поводу моей глупой коленки!

Prof. Tancredi¹ (чудесный неаполитанский Pulcinella!) был очень любезен. Он как из “сказок” Hoffmann’a – просто замечательный субъект. Ничего не нашел, кроме *артритизма*. Думал тоже, что может быть там в коленке есть “гуляющий хрящик” – но он сомневается! Очевидно, я себе раздражил сухожилие, связки и мускулы. Он даже не считал нужным мне лежать – но когда лежу, я чувствую себя лучше. Он был страшно мил и с меня ничего не взял – спасибо Вам. Обидно, что писать сидя я не умею и не могу. Вообще, когда я не здоров – то я думать хорошо не умею, не могу сосредоточиться – все какие-то “облака” в голове, и “мое солнце не светит”!

Как только перестану ходить: 1 рубль 20!² (как говорила моя нянька Попова) – то позвоню к Вам и приду благодарить лично с Fabrizio.³ А затем хотел бы я Вас повидать здесь и показать мои новые вещи, кот<орые>, наверное, Вам будут интересны.

Простите, что плохо пишу, но писать хорошо не умею!

Спасибо и до скорого. Преданный Вам Павел Челищев

P.S. Простите, что не зная Вашего отчества, не могу Вам достойно обратиться в письме.

¹ Джузеппе Танкредди (Giuseppe Tancredi), друг семьи Синьорелли, был крупным специалистом в области травматологии и профессором ортопедии в Римском университете в 1940-х – 1950-х гг.

² Ходить: 1 рубль 20 – хромать на одну ногу.

³ Фабрицио Клеричи (Fabrizio Clerici, 1913-1993), архитектор, живописец, театральный художник и иллюстратор; своим фантастическим характером его произведения близки к поэтике сюрреализма. Автор статей для журналов и газет, в том числе для “Lo Stile”, “Domus”, “Il Messaggero”.

2

4-го апреля 1953

Христос воскрес!

Дорогая Ольга Ивановна!

Поздравляю Вас с Пасхой и желаю Вам всего, всего хорошего. Благодарю Вас еще раз за Вашу помощь мне и за Ваше доброе сердце. –

На свете, в наши времена, сердца стали все твердые, как камни – и доброты от них нельзя искать!

Звонил я Вам сегодня (в субботу) и вчера (пятницу) и никакого ответа. Очевидно Вы уехали на праздники куда-ниб<удь>, как все это делают теперь! Мы же здесь укладываемся (35 мест багажа!!!), так как собираемся ехать сейчас же после Пасхи (7-8 апреля) в Париж, так как там у меня неприятности с Галереей, где я хочу выставить свои вещи¹ – кто-то, что-то там “подзабыл”, как всегда это бывает, или же там был “услужливый дурак, который оказался – опаснее врага”.² Глупые люди очень опасная вещь. Звонил я F. Clerici³ – и от него – ни слуха, ни духа – наверное он в Milano. Вообще итальянцы не любят сидеть на одном месте – вроде американцев, все хотят куда-то “нестись”: я теперь не могу “ездить” – но приходится из-за моей дурацкой профессии – художника.

Уезжаю я в Париж неизвестно на сколько времени – все зависит от выставок – маленьких рисунков (там выставка теперь, и больших масляных картин) летом 1954 года.

Если уж очень мне будет противна Франция – то я приеду на зиму в Рим, но буду стараться найти себе квартиру в городе или совсем около – так как жить в деревне и холодно и тоскливо – и от людей отвыкаешь как-то, и все меня “нервирует” потом. Если Вы услышите о квартире между 30.000 – 50.000 в месяц (meublée)⁴ и с большой комнатой на север (ателье), то подумайте, пожалуйста, обо мне и дайте мне знать: 2, rue Jacques Mawas Paris 15.

Ну пока всего хорошего – спасибо еще раз и надеюсь на будущий год увидеть Вас воочию.

Всего хорошего, преданный Вам Павел Челищев

¹ Выставка в Париже состоялась в 1954 г. в галерее Rive Gauche.

² Парафраз стиха из басни И. А. Крылова “Пустынник и медведь”.

³ См. о нем в примеч. 3 предыдущего письма.

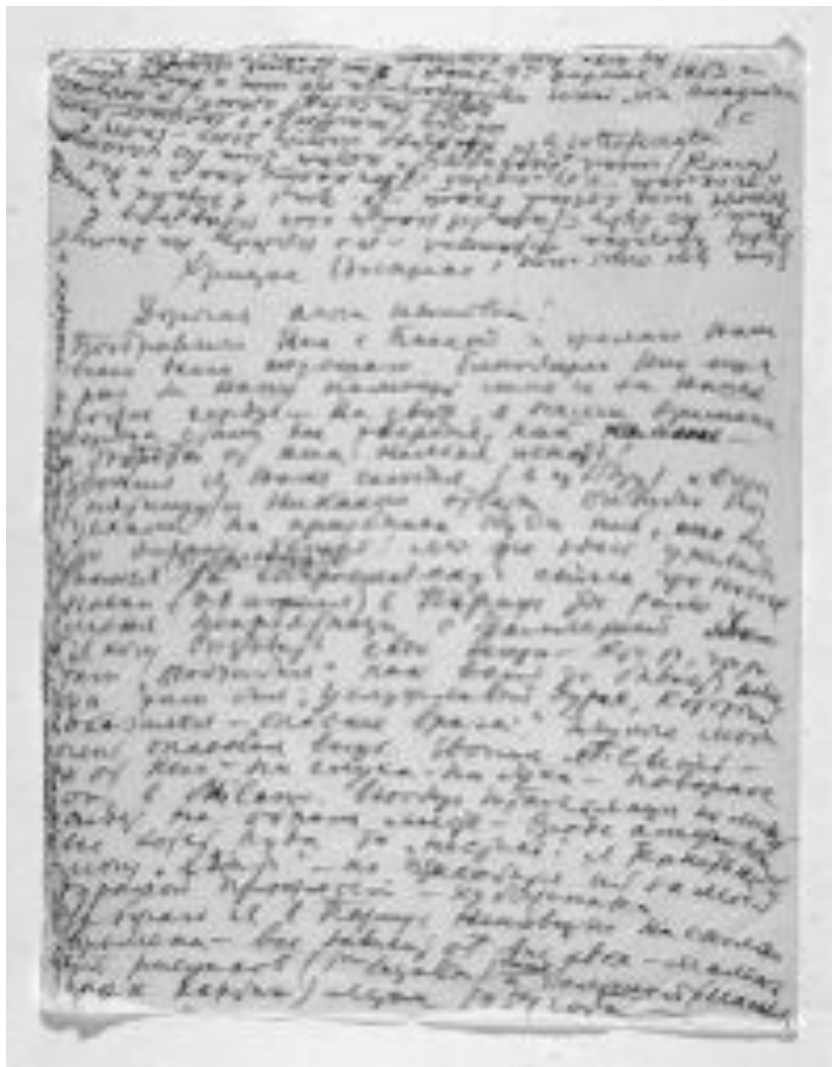
⁴ Меблированная (фр.).

3

2, rue Jacques Mawas
Paris 15
le 31 août 1953

Дорогой Друг!

Вы наверное меня ругаете за мое молчание и за “беспамятство” – но не сердитесь, пожалуйста, на меня за мое ужасное молчание. Когда приеду, все Вам расскажу – Париж, в смысле искусства, стал – *один ди-*

Автограф письма П. Ф. Челищева к О. Синьорелли от 4 апреля 1953 г.

кий ужас и люди здесь стали все *другие*. Я вообще так был поражен и пришел в такой ужас, что в конце концов свалился больным с желчным пузырем, с потерей % крови и т. д. Стали искать *опять* тропическую болезнь, но ее не нашли и пока подправляли кров <так!> все это время. Ну об этом не стоит думать – надоело! Собираюсь на зиму в Рим или около, в Италии. Не знаете ли Вы ателье или квартиры с одной большой комнатой с окнами на север? Я даже лучше люблю работать в квартире. Но мне надо *тихую* и светлую – все равно где. Подумайте обо мне и не забывайте меня. Если есть что-либо возможное, пожалуйста, дайте мне знать сюда.

Здесь вдруг стала *дикая* жара. Конечно, ехать с картинами в Италию неудобно, но здесь и дорого и жизнь невозможная. Studio, ателье или квартиру здесь ни за какие деньги не найти – я бы хотел что-нибудь <удь> недорого (45-55.000 Lire), так как у меня сейчас с финансами трудновато, ведь я уже год¹ сижу в Европе – а здесь продавать очень трудно, так как меня здесь забыли. Выставка моя будет здесь на *будущий год только!*, в июне в Париже, а в ноябре в Лондоне.²

Ну всего хорошего, до скорого, не забывайте.

Ваш Павел Челищев

¹ Это указание, как и упоминание о паспорте в письме от 29-го марта 1957 г., позволяет установить дату возвращения Челищева из Америки в Европу: 1952 г. В существующих печатных источниках эта дата приводится с ошибками: биографические словари относят переселение Челищева в Италию к 1949 г. (см. *Северюхин-Лейкинд*, 1994. С. 493; *Лейкинд-Махров-Северюхин*, 1999. С. 601), а в списке основных дат жизни и творчества художника, завершающем вступительную статью к альбому репродукций его картин, сообщается, что Италия становится основным местопребыванием художника в 1950 г. (см.: Рай Павла Челищева. *Le Paradis de Pavel Tchelitchev*. М.-Пустынь-Цюрих 2005. С. 25).

² Речь идет о проходившей с 26 октября по конец ноября 1954 г. персональной выставки Челищева в Hanover Gallery (Лондон).

4

16-го ноября 1953

Villa Serena

Viale Vittorio Veneto 34

Grottaferrata (Roma)

Дорогой друг!

Ждал Вас в *прошлую среду* на вернисаж к Sig. Schneider¹ Galleria – Rampa Mignanelli 10, Roma. Но ни Вас, ни Шарова² не увидел. Где Шаров? Получили ли Вы приглашение? Там я выставил 3 новых вещи – 2

рисунка и одну гуашь – это выставка *mixte* и там всякие вещи и “старых и молодых”, но так как хозяин американец – я не смею сделать “*Brutta Figura*”³ и отказаться. Увидим, может он сделает *Business*. Как видите по адресу, мы решили жить опять в деревне – так как и светлее, чем в *Риме*, да и без телефона легче работать без “*disturbare*”.⁴ Но надеюсь, что Вы к нам сюда соберетесь как-ниб<удь> на завтрак, кот<орый> весьма простой у нас, так как с прислугой нам было очень трудно, так как мы – 2 “*uomini soli*”⁵ и все бабы боятся – чего – я не знаю, боятся “потерять репутацию”!!

Fabrizio Clerici здесь был и ему понравилось: вид здесь чудесный и воздух хороший и комната на север есть, но, конечно, холоднее чем в Риме, но зато у нас *termisyphone* <sic!>⁶ и надеюсь, что это нас спасет.

Привет Вам и до скорого. Ваш Павел Челищев

¹ Вероятно, речь идет о выставке “*Tre americani a Roma*” (Три американца в Риме), которая состоялась в только что основанной в 1953 г. в центре Рима (около *Piazza di Spagna*) галерее *Schneider* (по имени ее директора Роберта Эдуарда Шнейдера), которая экспонировала произведения беспредметного искусства.

² Петр Федорович Шаров (1886-1969) – русский актер и режиссер, в 1938 г. получил итальянское гражданство под именем и фамилией *Pietro Sharoff*. Учился и работал в Московском художественном театре Станиславского, в начале 1920-х гг. эмигрировал в Германию, через несколько лет переехал в Италию, где работал режиссером и преподавателем актерского искусства по методу Станиславского. В 1945 г. учредил в Риме Академию драматического искусства (*Accademia di Arte drammatica*). О Шарове Челищев вновь осведомляется в поздравительной открытке Ольге Синьорелли конца 1953 г.; в ней же, кроме поздравления с Рождеством, сообщается о смерти друга Марии Афью (*María Afio*), говорится об обязательной встрече в январе и спрашивается, не видала ли она Леонида Мясина.

³ Произвести плохое впечатление (*um.*).

⁴ Беспокойства (*um.*).

⁵ [Двое] одиноких мужчин (*um.*). Челищев жил со своим близким другом и любовником американцем Чарльзом Генри Фордом (см. о нем в примеч. 13 к письму № 11).

⁶ Радиатор отопления (*фр.*).

5

22 декабря 1954 г.

Via Candido Galli 12, Frascati (Roma)¹

С Рождеством Христовым и Новым Годом поздравляю Вас и желаю Вам всего всего наилучшего.

Посылаю я Вам в этом письме “*un ricordo*”² моей только что закончившейся выставки в Лондоне³ и собираюсь выставить у *Del Corso* в “*Obelisco*”⁴ в самом начале марта, о чем я Вам заранее сообщу. Тогда

мы сможем поговорить как следует обо всем и повидать у Вас моих друзей – Шарова и других, так как я буду бывать почти каждый день в Риме. У меня 1 апреля Milano, потом Bruxelles, потом Venezia и т.д.⁵ Как оперный певец!

Работа идет тихо, так как мои картины, несмотря на их простоту – очень “*compliquées*”.⁶ Я верю, как китайцы – что “*le comble de complication nous amène à la plus grande et la seule vraie simplicité*”.⁷

Так что надо еще больше комплицировать чтобы добраться до новой простоты – так как старая никуда не годится для нас – требования у нас иные.

Всего хорошего и до скорого. Ваш друг Павел Челищев

¹ Адрес в этом письме написан на наклейной этикетке, а в следующих – напечатан прямо на почтовой бумаге.

² Памятку (*um.*).

³ О выставке см. прим. 2 к письму № 3. Среди корреспонденции Челищева в фонде Синьорелли сохранились посланные ей пригласительный билет, каталог и проспект этой выставки, текст к которой был написан Гастоном Башляром.

⁴ Речь идет о галерее L’Obelisco на Via Sistina 146, основанной коллекционером Гасперо дель Корсо (Gaspero del Corso, 1911-1997) вместе с женой Ирене Брин (наст. имя Maria Vittoria Rossi, 1911-1969) в 1946 г. в Риме. Галерея скоро приобрела известность в культурной жизни столицы: там выставлялись, в частности, Джорджо Моранди, Марио Сирони, Джакомо Балла, Джино Северини, Лучио Фонтана, Альберто Бурри и проходили вернисажи таких иностранных художников как Пауль Клее, Василий Кандинский, Сальвадор Дали, Пабло Пикассо, Александр Колдер, Генри Мур, Жан Дюбюффе, Евгений Берман и т. д. Первая выставка Челищева в Италии, проходившая в 1950 г. в той же галерее, имела большой успех и многочисленные отклики критиков. О международных выставках, устроенных в галерее, см. <http://www.centrate.org/exhibcat.htm>.

⁵ Выставка в Милане открылась 1 апреля 1955 г. в Galleria del Naviglio; в Брюсселе и в Париже выставки происходили в мае и июне того же года, о чем Челищев сообщил Синьорелли в открытке от 14 сентября 1955 г. Сведений о выставке в Венеции найти не удалось.

⁶ Сложные (*фр.*).

⁷ Вершина сложности приводит нас к величайшей и единственно истинной простоте (*фр.*).

6

1-го февраля 1955

Via Candido Galli 12, Frascati (Roma)

Дорогой Друг!

Спасибо Вам за Ваше письмо и пожелания от 14.I.<19>55. Я редко бываю в Риме, так как я очень много работаю для моей выставки у Del Corso – “*Obelisco*”.¹ Vernissage 1-го марта <19>55, а надо окончить

еще 5 картин, а они “ползут”, как всегда это бывает перед выставкой. Я очень медленно работаю – вроде черепахи. Поэтому-то я почти никуда, кроме как к дантисту – не хожу. – Вот когда буду выставлять, то 15 дней буду бывать *après midi*² – в Риме, и мы повидаемся со всеми нашими друзьями, и надеюсь побывать у Вас, и познакомится с Вашей дочкой, и поговорить с Milosch,³ и т.д. Я бы очень хотел бы Вас попросить познакомить меня *до выставки* с кое-кем, кто бы мог обо мне написать в журналах или газетах, или в *journaux illustrés*⁴ – вроде *Incom*, *Euroreo* etc.,⁵ так как в Италии есть только один серьезный журнал “*Domus*” в *Milano*,⁶ и я надеюсь, что они что-ниб<удь> сделают к моей выставке в *Milano* 1-го апреля. Я надеюсь, что Вы знаете критиков и журналистов и меня с ними познакомите, так как я, по правде сказать – живу далеко от Рима, никого не вижу, так как усиленно работаю, и нет у меня ни на что времени, кроме как на работу! Так что надеюсь, что Вы мне поможете в этом смысле. Тоже, пожалуйста, скажите Паше Шарову⁷ и всем моим друзьям, чтобы они на меня не дулись, что я здесь в деревне – работаю, как вол, и когда Вы увидите мои картины и рисунки, то Вы поймете *почему* я живу как в *trappiste monastère*⁸ – не видя никого. Эти вещи занимают всю мою жизнь, так как они так сложны и так *compliqués* – *pour une plus grande simplicité*.⁹ – Если Вы тихо и спокойно смотрите на них, то через некоторое время они вдруг “оживают” и начинают двигаться ритмически. – В Париже об них писали – *La chorégraphie cosmique* etc. etc. *Préface*¹⁰ опять G. Bachelard в переводе F. Clerici¹¹ (хоть F. Clerici не верит, что G. Bachelard – последний Великий Француз на свете!¹²) Друг мой, простите за несуразное письмо – но подумайте обо мне! Приготовьте, пожалуйста, мне *список людей*, которым послать приглашения *от Вашего имени* – людям, кот<орым> будет интересно посмотреть мои вещи и с которыми мне будет интересно познакомиться. Жду от Вас вестей.

Сердечный привет и до скорого. Ваш Павел Челищев

¹ Каталог римской выставки, которая открылась 1 марта 1955 г. в галерее Обелиско, сохранился среди корреспонденции Челищева; здесь же сохранился проспект этой выставки, в котором опубликован итальянский перевод статьи Г. Башляра под заглавием “Pavel Tchelitchev”.

² После полудня, днем (*фр.*).

³ Аурел Милош (Aurel Milosz, 1906-1988), венгерский танцовщик и хореограф, получил итальянское гражданство под фамилией Milloss. В 1938-1945 гг. работал в римском Оперном театре, в 1946-1975 гг. был художественным руководителем театра Ла Скала, с 1974 г. – директор балетного ансамбля римского Оперного театра. В последние годы жизни Синьорелли был одним из самых близких ее друзей.

⁴ Иллюстрированные журналы (*фр.*).

Каталог выставки П. Ф. Челищева в галерее Обелиско с предисловием Г. Башляра. Рим. 1955 г.

⁵ “La settimana INCOM illustrata” – общественно-политический и культурный еженедельник, выходивший с 1950 г.; “L’Europeo” – общественно-политический и культурный ежемесячник, основанный в 1945 г., в котором сотрудничали знаменитые деятели культуры и писатели.

⁶ Иллюстрированный ежемесячник “Domus”, посвященный современной архитектуре и интерьеру, был основан в 1928 г. и возобновлен в 1947 г. после перерыва, вызванного Второй мировой войной. В течение первых шести месяцев 1955 г. в журнале не появилось ни одной публикации, посвященной Челищеву и его выставке.

⁷ По всей вероятности – описка: имя Шарова – Петр.

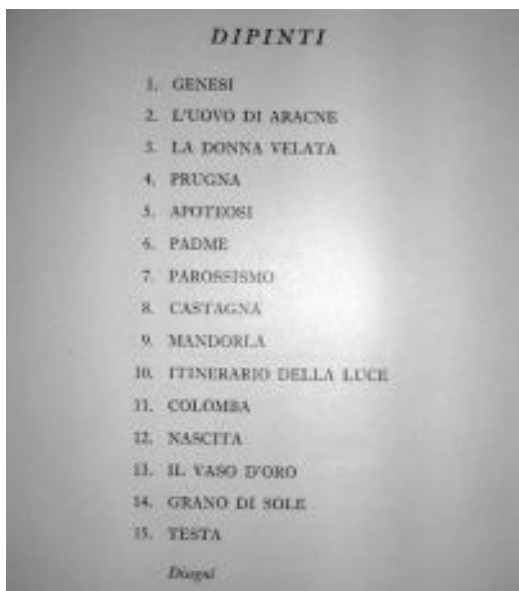
⁸ В монастыре траппистов (*фр.*) – особый орден, блюдуший обет молчания.

⁹ Сложны – для наибольшей простоты (*фр.*).

¹⁰ Космическая хореография. Предисловие (*фр.*).

¹¹ Проспект выставки Челищева (без датировки) на итальянском языке с указанием авторства Башляра в переводе Клеричи сохранился среди писем Челищева в фонде Сильнорелли.

¹² Философа Гастона Башляра (Gaston Bachelard, 1884-1962) современники называли последним учеником Леонардо да Винчи, имея в виду его философские новации, универсальные познания в различных сферах культуры: эстетике, психологии творчества, литературной критики и поэтики воображения.

Каталог выставки П. Ф. Челищева
в галерее Обелиско. Рим, 1955 г.

7

30. III.<19>55
Via Candido Galli 12
Frascati (Roma) tel. 24587

Друг мой,

вчера, вернувшись après midi с друзьями американцами из Рима – нашел Ваше письмо. Очень я жалею, что я не видал “Marionettes” Вашей Maria.¹ Я очень люблю Pupazzi,² и я считаю, что они гораздо более émouvants,³ чем актеры и актрисы. Уезжаю в Milano завтра на мое открытие там в Galleria Del Naviglio 1 апреля: больших надежд я не имею, но интересно узнать, как там люди найдут мои “efforts”.⁴ Когда вернусь – повидаемся – я вообще не то что ушел от людей – но у меня такое плохое здоровье – и у меня мало сил – так как мой effort меня очень ослабил – да “le domaine spirituel”⁵ это совсем иное, чем la vie trop materielle de nos jours.⁶ Но очевидно надо как-то построить мост – но как – я не знаю – наверное sur la base de bonté.⁷

Всего хорошего и до скорого.

Поздравляю с Пасхой. Ваш всегда Павел

¹ Мария Синьорелли (1908-1992), художница, дочь Ольги, в 1955 г. изготовила марионетки для целого ряда музыкальных спектаклей в Риме на музыку Скарлатти (“La danza del Re”), Моцарта (“Contradanza”), Чайковского (“Il Valzer dei Fiori”), Равеля (“Bolero”) и Стравинского (“Tango”). О ее спектаклях см. в сайте <http://www.collezione-mariasignorelli.it>.

² Куклы, марионетки (*ит.*).

³ Волнующие, трогательные (*фр.*).

⁴ Усилия, старания, напряжение сил (*фр.*).

⁵ Духовная сфера (*фр.*).

⁶ Слишком материальная жизнь нашего времени (*фр.*).

⁷ На основе доброты (*фр.*).

8

20-го апреля 1955
via Candido Galli 12
Frascati (Roma) tel. 245 87

Друг мой!

Вернулся я из Milano с красным глазом – у меня как-то в глазу лопнула вена – потом замотался я со всякими приезжими друзьями и ждал картин из Milano обратно, так как здесь были все “великие” мира искусства, то есть директора музеев и критики. Но, конечно, картины вернулись как раз, когда они уже уехали! Набоков¹ мне ничего никогда не сообщил заранее об этой выставке: giovani pittori,² а то бы я подогнал бы свою выставку к этой дате. В Milano познакомился с массой коллег. Но я для них “enigma”³ во всех отношениях. Итальянцы, к несчастью, мало что понимают в живописи и главное в философии живописной – они страшно быстро поддаются под влияние d’une idee generale et actuelle à la mode⁴ и пекут никому ненужные вещи, d’un intérêt purement locale⁵ на продажу. Молодежь у них талантливая, но как только у них есть талант – они перебираются в Париж, чтобы там “выйти в люди” – так как там есть критики серьезные, есть интерес живой и у marchan’ов⁶ и у mecènes.⁷ Здесь же – une bienfaisance pitoyable qui j’appelle: protection des arts⁸ в Риме. “Obelisco”⁹ продает картиночки очень низкого качества, но огромного количества – как souvenirs d’Italie¹⁰ – вместо une samée de Venise – une petite peinture de Caffée¹¹ и т.д. Это с одной стороны, а на художников большое влияние имеет американский иконоклазм¹² (немецкого происхождения) и желание уничтожить все следы культуры латинской, и превратить все в выражение глупое d’une explosion atomique.¹³ Американские директора музеев все солидарны в одном смысле – абстрактное – искусство 100%, т.е. non objectif et certainement non figuratif – l’action – non l’idée.¹⁴ Ils ne veulent pas d’idée¹⁵ –

что как в России – усы Сталина важнее всяких философий эстетики! Куда мы идем? Что стало с человечеством? По-моему, это страшная трагедия. Я уехал из USA, так как не мог вынести этого дикого влияния разложения в искусстве. В этом есть что-то апокалиптическое – поверьте мне. Неужели это пойдет и на язык, и вместо поэзии будут какие-то напечатаны никому не понятные наборы букв (не слов – так как слово уже форма – а не бесформенное). Кому это нужно и зачем – неужели чистая белая стена не лучше, чем напачканная как будто бы *elle servait pour une fusillade grandiose*.¹⁶ Ведь это все к тому же и идет. Destruction¹⁷ всей нашей окцидентальной¹⁸ культуры – Египет, Греция, Италия и Франция. Мне вдруг стало это очень очевидно, главное, поговорив с французами (директорами музеев). Они в панике и англичане тоже. К несчастью M.lle Biscarelli¹⁹ никакого значения не имеет в смысле *jugement d'art*.²⁰ Она главное интересуется своей интимной жизнью *pour dire le moins*²¹...

Вот Вам все мои *litanies et géremiades*, но *il y a de quoi!!!*²² Давайте повидаемся как-ни<будь> на будущей неделе: мне будут делать два передних зуба – *cougonne de porcelaine*,²³ так как один из них сломался – и вот я смогу у Вас побывать и поболтать и выпить чашку чая...

Всего хорошего.

Ваш Павел Челищев

¹ Николай Дмитриевич Набоков (Nicolas Nabokov, 1903-1978), русский композитор, американский подданный. Автор музыки к балету “Ода”, поставленному в 1928 г. антрепризой Дягилева Русские сезоны в Париже (хореография Леонида Мясина, для которого Челищев вместе с Пьером Шарбонье выполнил эскизы декораций и костюмов. О постановке см.: *Nabokov N. Old Friends and New Music. Boston 1951. P. 98*). Набоков был крупным деятелем и пропагандистом современной музыкальной культуры: в послевоенные годы он возглавлял оргкомитеты нескольких музыкальных фестивалей в Европе, в том числе фестиваля Музыка нашего времени (Рим 1954 г.). О роли Набокова в русско-французской культуре см. также в письмах П. А. Мансурова в наст. томе.

² В 1955 г. состоялись две выставки под названием “Молодые художники”: одна в парижском Национальном музее современного искусства, другая в римской Национальной галерее современного искусства. Скорее здесь речь идет о парижской выставке.

³ Загадка (*ит.*).

⁴ Под влиянием ведущей современной модной идеи (*фр.*).

⁵ Под влиянием исключительно местных интересов (*фр.*).

⁶ Продавцы (*фр.*).

⁷ Меценаты (*фр.*).

⁸ Жалкая благотворительность, которую я называю поддержкой искусства (*фр.*).

⁹ См. примеч. 4 к письму № 5.

¹⁰ Итальянские сувениры (*ит.*).

- ¹¹ Вместо венецианской камеи – низкопробная кофейная живопись (*фр.*).
¹² Иконоборчество; здесь имеется в виду борьба против предметной живописи.
¹³ Атомный взрыв (*фр.*).
¹⁴ Не объектное и, конечно, не фигуративное искусство, – действие, а не идея (*фр.*).
¹⁵ Они не хотят идей (*фр.*).
¹⁶ Она служила для грандиозной ружейной пальбы (*фр.*).
¹⁷ Разрушение (*фр.*).
¹⁸ Западной: от французского слова *occidental*.
¹⁹ Пальма Букарелли (Palma Bucarelli, 1910-1998) – искусствовед, в 1942-1975 гг. директор Национальной галереи современного искусства в Риме. Пальма Букарелли была очень красивой и чрезвычайно элегантной женщиной, отличавшейся нонконформистским стилем жизни, что и вызвало критику в ее адрес, несмотря на огромную работу, сделанную ею во время войны для спасения художественных произведений, а в послевоенные годы – для возобновления музейного дела.
²⁰ Суждение об искусстве (*фр.*).
²¹ Сказать самую малость (*фр.*).
²² Жалобы и проклятия, но есть от чего! (*фр.*).
²³ Фарфоровая коронка (*фр.*).

9

14/V/55
 via Candido Galli 12
 Frascati (Roma) tel. 245 87

Друг мой!

Пишу Вам *en vites*<se>,¹ так как на телефон – сил нет – очень я устал с моей укладкой и упаковкой дома! Очень я был рад у Вас позавтракать и поболтать с Вами о прошлом и о будущем. Д. Иванов² очень милый человек. Я очень рад, что я его встретил, так как я очень уважаю и люблю вещи его отца еще с очень ранней моей юности, еще с России. Память о Сергее Павловиче³ тоже мне очень близка и дорога. Где Вы будете на лето? – Если в Grottamare – то мы опять – в Porto San Giorgio. Вот наш адрес: presso Scarpari Livio viale Nazario Sauro Porto San Giorgio (Ascoli Piceno). Там мы будем в июле-августе – работать (опять!) как бешены<е>, чтобы написать достаточно картин для Bruxelles и Paris 1956 (лето).⁴ Но мои картины так ползут, что что-то надо с ними сделать, *trouver un moyen d'expression plus rapide*.⁵

Обнимаю Вас друг мой и до скорого.

Ваш всегда Павел Челищев

¹ В спешке (*фр.*).

² Дмитрий Вячеславович Иванов (1912-2003), сын поэта Вячеслава Иванова, жил в Риме и работал журналистом под псевдонимом Жан Нёвеселл (Jean Neuvécelle) и корреспондентом по делам Ватикана франкоязычного швейцарского радио, Swiss Radio. В 1955 г. работал в качестве корреспондента "France-soir" в Москве. См. *Aubert R., Gfeller U. Entretiens avec Jean Neuvécelle. Préface de G. Nivat. Paris 1996* (перевод на русский: *Обер Р., Гфеллер У. Беседы с Дмитрием Вячеславовичем Ивановым, СПб. 1999. С. 162-172*).

³ Сергей Павлович Дягилев.

⁴ Выставка в Брюсселе состоялась в 1956 г. во Дворце искусств, выставка в Париже – в 1956 г. в галерее Rive gauche.

⁵ Найти способ более быстрого выражения (*фр.*).

10

8. XII.<19>55

via Candido Galli 12

Frascati (Roma) - 940 587

Друг мой!

Не попал я на Ваших "бурачков"¹ (Buraccini), так как был болен – вместо их я лежал в постели и до сих пор еще неважно себя чувствую (*grippe intestinale*).² Вышел в понедельник этот в Рим, и опять в постель. Надо было повидать Бермана.³ Он такой жалкий после смерти его жены.⁴ У меня умер тоже вчера большой друг в USA. Получил телеграмму – он был здесь в окт<ябре> неделю, но он уже был на пути на тот свет. Он уже не был самим собой. У меня на душе не хорошо, не знаю почему. Потому что работа идет медленно. Знаете, трудно идти "против течения" – против всего хаоса наших времен! Ведь *что* делается сейчас в живописи – один ужас! Не знаю, кто прав, кто виноват, но я думаю, что была сделана какая-то *дикая ошибка*, и оттого-то все пошло прахом. Так как живопись "d'origine magique"⁵ – то я боюсь, <ч>то было что-то сделано как раз противоположное той магии, которую нужно было бы "user".⁶ – Не знаю, но когда видишь километры ужасных огромных пустых кричащих намазанных полотен (*quadrépénale*)⁷ – то хочется бежать на конец света и никогда ни на что не смотреть. Кто же скажет, что "король голый и без рубашки", как в сказке Andersen?⁸ Там ребенок сказал. Очевидно, что нет больше "чистых душ".

Всего хорошего, до скорого.

Ваш всегда Павел

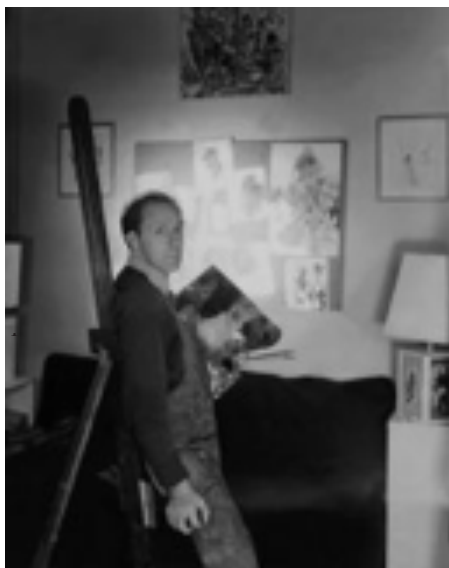
P. S. Какие новости от Jean Neuvécelle?⁹ Мерзнет, наверное, в Москве?

¹ “Бурачки” – вероятно, шутливое прозвище Челищевым марионеток (*burattini*) М. Синьорелли. О ее спектаклях в 1955 г. см. примеч. 1 к письме № 7.

² Кишечный грипп (*фр.*).

³ Евгений Густавович Берман (*Eugène Verman*, 1899-1972), живописец, график, сценограф, познакомился с Челищевым еще в Париже (см. об этом в преамбуле). В 1940-1950 гг. Евгений Берман постоянно жил в Америке, принял американское гражданство и приобрел широкую известность как автор вымышленных пейзажей с архитектурными мотивами. В начале 1950-х гг. он стал подолгу бывать в Италии, участвовал в качестве сценографа в различных итальянских театральных постановках, среди которых “*Ballet Impregial*” на музыку Чайковского, поставленный Баланчиным в театре Ла Скала в 1952 г. и “Так поступают все женщины” Моцарта в театре Пиккола Скала в 1956 г. В 1956 г. художник окончательно переселился в Рим. Жил во дворце Дория-Памфили, где разместил библиотеку и коллекцию этрусского, греческого и американского искусства до Колумба. В 1956 г. выпустил альбом рисунков “Воображаемые прогулки по Италии”. В Италии познакомился со Стравинским, с которым подружился и начал совместную работу; вместе с Олдосом Хаксли он участвовал в подготовке каталога выставки Веры Стравинской в галерее Обелиско в Риме в 1955 г.

⁴ В 1949 г. Евгений Берман женился на актрисе Оне Мансон (*Ona Munson*, урожд. *Owena Wolcott*, 1910-1955), известной по роли Беллы Уотлинг в фильме “Унесенные ветром”. В 1955 г. она покончила жизнь самоубийством; похоронена на кладбище Ferncliff в Хартсдейле, шт. Нью-Йорк, где позже был похоронен Берман.

П. Ф. Челищев в своей мастерской. 1942 г.

⁵ Магического происхождения (фр.).

⁶ Использовать (фр.).

⁷ Квадриеннале (Quadriennale) – художественная выставка, проходящая раз в четыре года в Риме, была основана в 1927 г.; наряду с венецианской Биеннале (Biennale: раз в два года) и миланской Триеннале (Triennale: раз в три года), предлагает регулярные обзоры современных изобразительных искусств. 1-го ноября 1955 г. открылась VII Квадриеннале, в рамках которой в течение шести месяцев экспонировались произведения приблизительно 1000 художников и состоялись 22 ретроспективные выставки, в том числе Антологическая выставка итальянской живописи и скульптуры 1910-1930 гг.

⁸ Речь идет о всемирно известной сказке Ганса Христиана Андерсена (1805-1875) “Новое платье короля” (1837).

⁹ Jean Neuvessel (Жан Нёвессел) – псевдоним Димитрия Иванова. См. примеч. 2 к письме № 9.

11

31. I.<19>56
via Candido Galli 12
Frascati (Roma)¹

Друг мой!

Все хотел Вам ответить на Ваше милое письмо и хотел бы Вас повидать. Все думал, что как-ниб<удь> собиретесь <так!> Вы сюда ко мне к завтраку, но у нас были все ужасные неприятности, а теперь случилась трагедия. Все у нас были трудности с водой. В один прекрасный день вся вода остановилась, и мы оказались без воды. Все мы ждали, все нам обещали, хотя тоже предупреждали, что засуха (ciclrique²) и что все источники сухие. И так мы сидели неделю; тогда терпение у нас лопнуло и мы подали письма и к нашему хозяину I.N.A.³ и к здешнему municipio.⁴ Я звонил Aldobrandini⁵ и все мои и его друзья ему звонили, так что в конце концов нашли в чем дело: “оказалось” что лопнули 2 трубы. Проехал очень нагруженный камион⁶ по площади, под кот<орой> все трубы соединены и идут в разные части Frascati. Наша личная труба I.N.A. была раздавлена, и над ней была труба générale⁷ для других тоже раздавлена. И вот в 4 ½ часа все оказалось на месте! Вот вам Италия и Frascati! Но как это они проводят трубы без того, чтобы их protéger⁸ от таких accidents⁹ – не знаю. А главное теперь готовят piscine communale¹⁰ – a reservoir’a¹¹ нет, и конечно всякий город должен иметь reservoir. Когда я об этом говорю, то мне говорят – что “кто же будет охранять этот reservoir”, так как все мальчишки да и взрослые малые будут купаться в нем днем и ночью и все будет pollui.¹² Но я не знаю как они обойдутся без reservoir’a – так как город растет и воды не будет хватать наверное. Я уж думаю, что мне пора опять “во свояси” <так!> в Америку, так как там все же воды слишком много! Поэтому не писал,

так как не мог Вас сюда пригласить. А теперь у нас большое горе – мать моего друга С. Н. Ford'a¹³ была убита 3 дня тому назад в автомобильном аксиденте¹⁴ в Мехике. Подумайте, какая ужасная смерть! Вообще у меня совсем ум не действует. Поэтому и пишу плохо, как ребенок. Никому об этом *пожалуйста не говорите, а главное ему, когда увидите*, так как не надо, чтобы люди знали и говорили. Это дело частное и частное горе другим совсем чужое! Так вот идет жизнь! Слава Богу, что она здесь была в конце прошлого лета – и так они повидались оба – мать и сын, а то бы она умерла не повидав его.

Судьба странная и страшная вещь, и как я не стараюсь понять индусскую философию и стараюсь верить, что все что истина и реальность лишь одна иллюзия, очевидно, что я еще ничего не понял и может никогда не пойму.

Где сейчас находится Edwin Denby¹⁵ – он бы очень хотел его повидать. Друг мой уезжает в N.Y. на некоторое время в связи со смертью его матери (он накануне получил от нее очень хорошее письмо, и я тоже неделю тому назад!!). Я Вам позвоню, если будут силы и постараемся повидаться. E. Denby во Firenze или в Риме <?>. *Черкните мне пару строчек*. А как наш Иванов? Не вернулся еще?¹⁶ *Адрес Stark'a Young*¹⁷ – 320 East 57 th Street New York 22 NY.

Я наверное никогда не пойму, что есть на все норма, число и час – и что все это от нас не зависит! Все же как-то кажется, что если бы мать Чарли не поехала в этот день – то она бы все еще была живой. Странно то, что ее сын, когда я ему сказал, что его вызывают по телефону из N.Y. сразу сказал: мать умерла! Почему, – я удивился? Но это у него так, как пророческое чувство у поэтов. Ну, друг мой, обнимаю Вас – не огорчайтесь, что плохо пишу, но я вообще ничего не понимаю.

Всего хорошего.

Ваш Павел Челищев

¹ На поле письма другими чернилами вписано: 320 East 57th Street New York, 22 U.S.A. (адрес Челищева в Америке).

² Циклический, здесь: сезонная (*фр.*).

³ I.N.A. (Istituto Nazionale delle Assicurazioni) – Национальная страховая компания, которая владела жилыми квартирами, сдаваемыми в аренду.

⁴ Муниципалитет (*ит.*).

⁵ Альдобрандини (Aldobrandini), итальянская фамилия дворянского происхождения.

⁶ От *catìon* (*фр.*) – грузовик.

⁷ Общая (*фр.*).

⁸ Защищать, предохранять (*фр.*).

⁹ Несчастные случаи (*фр.*).

П. Ф. Челищев. Портрет Charles Henri Ford. Два рисунка

¹⁰ Муниципальный плавательный бассейн (фр.).

¹¹ Резервуар для хранения запасов воды (фр.).

¹² Загрязнено (фр.).

¹³ Чарльз Генри Форд (Charles Henri Ford, 1908-2002), поэт-сюрреалист, издатель художественных журналов, художник, фотограф, кинематографист. В начале 1930-х гг. он познакомился с Челищевым в художественных кругах Парижа и стал его другом и любовником. Они жили вместе, сначала в Соединенных Штатах, потом в Италии вплоть до смерти Челищева. В 1962 г. Чарльз Генри Форд вернулся в США, где он сблизился с художниками поп-арт'а и андерграунда.

¹⁴ Автокатастрофа; от французского слова accident.

¹⁵ Эдвин Денби (Edwin Denby, 1903-1983), американский поэт и влиятельный балетный критик. В FSFC хранится 84 письма Денби 1948-1969 гг. к Ольге Синьорелли (ARI, VI. Т. I. P. 34).

¹⁶ О Димитрии Вячеславовиче Иванове см. прим. 2 к письму № 9.

¹⁷ Янг Старк (Young Stark, 1881-1963), американский писатель, эссеист и литературный критик.

12

15. III.<19>56

via Candido Galli 12, Frascati (Roma)

Telephone 940.587

Друг мой!

Спасибо за письмо и вести. – Ждем Вас обоих к завтраку *в среду 20-го марта*. Возьмите поезд в Stazione Termini¹ – в 12.40 – он приходит сюда в 1.10-15 мин. Надо поехать вглубь <так!> станции на via Giolitti в самом конце – treni Laziali² – как только подниметесь по лест-

нице прямо напротив поезда в Frascati – Вы увидите. Значит, ждем Вас в среду к 1.15. Когда приедете в Frascati, то выйдя из станции поверните направо. Увидите улицу, кот<орая> идет вниз (там идет автобус на Monte Porzio), *passagiata*³ наверху и *piazza Roma*. Дойдя до руин *Albergo Tuscolano*⁴ (красный дом), Вы увидите улицу направо в ужасном состоянии (ее решили “отделать заново”, но мороз помешал). Поверните направо и там на правой же стороне будет № 12 *Palazzo I.N.A.*⁵ против *societe d’electricité*⁶ – очень большой 5-ти этажный дом во дворе с двумя *entrées*.⁷ Берете *scala B*⁸ – самую далекую и *interno*⁹ на 5-ом этаже. (Увы нет *assenseur*¹⁰ – хотя он построен – но из-за детей в доме – он не ходит).

Ну до среды. Обнимаю Вас обоих. Ваш Павел

¹ Главный железнодорожный вокзал Рима.

² Поезда по Лацио (*ит.*).

³ Прогулка; здесь, возможно, имеется в виду проход пешком поверху (*ит.*).

⁴ Гостиница Тусколано (*ит.*).

⁵ Дворец I.N.A. (*ит.*).

⁶ Компания по электроснабжению (*фр.*).

⁷ Входы (*фр.*).

⁸ Подъезд, лестница (*ит.*).

⁹ Квартира № 9 (*ит.*).

¹⁰ Лифт (*фр.*).

29-го марта <19>57
via Candido Galli 12
Frascati (Roma)

Друг мой,

Вы наверное Бог знает что думаете обо мне, но я Вам собирался писать давным-давно, но не мог, так как руки так дрожали от *antibiotique* и *sleeping pills*¹ – и голова до сих пор моя всё в тумане. С последнего раза, как я Вас видел, у меня был *grippe streptocoque* <так!> *inféctueuse*,² кот<орый> мне принес мой один итальянский приятель. С 18.I – 16.II я был в постели и когда меня посадили – то надо было учиться сидеть и стоять, так как я превратился в структуру из проволоки³ – никого ко мне, кроме Чарли, не пускали – он приезжал на 1 час в день. Слабость была очень большая, и ко всему безразличие – не мог ни читать, ни писать, ни рисовать. Я пять месяцев не писал и 3 не рисовал – в голове все черные мысли и я еще далек от того, что я был до болезни. С 7-го я здесь как в тюрьме, так как *assenseur* еще не ходит. Обещали

16.I что пойдет через 10 дней – а <o>казалось 2 ½ месяца. Доктора не хотят, чтобы я ехал в Америку 5-го июля, так как у меня не будет сил. Для всего этого надо хлопотать для продления моего паспорта и позволения остаться в Европе, так как мой паспорт кончается: в этом году – 5 лет, и надо ехать в Америку. Настроение у меня ужасное – ничто меня не радует – ничего мне не хочется, что очевидно после трех больших болезней так и быть должно. Пью 2 раза в день 20 капель *coqatina*⁴ и 2 пилюли *digitalis*.⁵ Пульс мой 84-86 и понемногу все очищается внутри меня. Но “*convalescence*”⁶ это будет изнурительная позиция. От всего и всех я устаю, так как здоровые люди меня живьем съедают. Огорчает меня отсутствие желания работать – все кажется абсурдным и вздором. Позвоню вам, когда будет ходить *assenseur* (обещают каждый день) и стоворимся Вам <так!> приехать сюда. Я глухой на левое ухо да и правое плохо слышит. *Sclerose*⁷ в Евстахиевых трубах.

Вообще этот год для меня такой вышел, что и сказать трудно.

Привет от Чарли.

Всего хорошего и спасибо за все. Ваш Павел

¹ Антибиотик (*фр.*) и снотворное (*англ.*).

² Инфекционный стрептококковый грипп (*фр.*).

³ Челищев иронически отсылает к своим произведениям 1950-х гг., в которых бесплотные (бестелесные) человеческие головы или бюсты превращаются в проволочные сплетения сложных геометрических конфигураций.

⁴ Корамин (*ит.*).

⁵ Здесь: гомеопатическое средство от сердечно-сосудистых заболеваний (*лат.*).

⁶ Выздоровление (*фр.*).

⁷ Склероз (*фр.*).

16. IV.<19>57
via Candido Galli 12
Frascati (Roma)

Дорогой друг,

поздравляю Вас с праздником Пасхи и желаю Вам всего хорошего. Вижу, что Вы на меня очень обижены и сердиты – но это напрасно. Я все болен, болен и болен и конца не вижу моим болезням. Приехав сюда 7-го марта, я через неделю заболел кишками – так как наша Мария¹ была больна и ее заменяла ее племянница, кот<орая> плохо мыла салат. Доктор диагностировал “*Colite spasmatique*”.² Хотя я его уверял, что у меня бывал *colite* только в связи с паразитами *intestinaux*!³ Давали мне всякие задерживающие лекарства в течение 3-х недель и дико меня

изнурили. В конце концов я настоял на analyse,⁴ так как все становился слабее и слабее – оказалась *Lamblia*⁵ (3 IV). Дали мне atabrin, что дают от Malaria,⁶ и я совсем погиб – pression 9 <90?>.⁷ Никакой circulation⁸ – пульс с 86-84 упал на 62. Трясет меня каждый день с 7-8 – как *fièvre*⁹ (очевидно влияние atabrin). Нет ни аппетита, ни вообще никаких желаний. Ничего делать не могу, так как у меня очень короткое дыхание. В связи с этой ужасающей погодой и невозможностью выходить на террасу <так!> – у меня ноги опухли как piano Steinway. Делают мне впрыскивания для укрепления мускулов сердца – и я лежу целый день в нетопленном доме с электрической <так!> печкой. Ночью 10°, 11°, 12°, а днем доходит в моем studio до 15° – я насквозь промерз. Может это холод с того света меня в лапах держит?

Не могу Вам описать как я miserable¹⁰ и никого не вижу, так как задыхаюсь. Наверное я прогневил какие-то Великие Силы, так как я никогда в жизни так не был болен, а болел я всю жизнь! Не сердитесь, черкните пару слов. Это меня согреет. Ваш Павел

¹ Очевидно, домработница.

² Спазматический колит (*фр.*).

³ С паразитами кишечными (*фр.*).

⁴ Анализ (*фр.*).

⁵ Ламблия – кишечный паразит.

⁶ Малярия (*фр.*).

⁷ Давление (*фр.*).

⁸ Циркуляция (*фр.*).

⁹ Лихорадка (*фр.*).

¹⁰ Жалкий, несчастный (*фр.*).

П. Ф. Челищев. Голова. 1950 г.

ПИСЬМА В. М. ХОДАСЕВИЧ (1925-1935)

*Предисловие и комментарии Э. Гаретто, И. А. Зайцевой и
Н. Н. Примочкиной, подготовка текста Э. Гаретто*

Знакомство Валентины Михайловны Ходасевич (1894-1970) с Ольгой Синьорелли состоялось во время пребывания художницы в Италии, с конца 1924 до сентября 1925 года. Многомесячной поездке в Италию художница была обязана Максиму Горькому, у которого жила на вилле в Сорренто, а также Ольге и Анджело Синьорелли, хлопотавшим об итальянских визах для нее и ее мужа, А. Р. Дидерихса,¹ по просьбе Горького.

М. Горький с семьей переехал из Чехословакии в Италию в апреле 1924 года. 15 ноября он поселился на окраине Сорренто, на вилле “Il Sorito”. За несколько месяцев до этого, в июле 1924 года, В. М. Ходасевич, находящаяся в Лондоне с мужем, командированным Внешторгом в Лондон и Париж, написала Горькому о своем желании приехать к нему и попросила помощи в получении итальянских виз.² Горький с готовностью обещал свое содействие – визы были получены при посредничестве О. Синьорелли. 23 сентября 1924 года Синьорелли уведомила Горького о своих хлопотах,³ а 26 сентября 1924 года Горький сооб-

¹ Андрей Романович Дидерихс (1884-1942), живописец и график, муж В. М. Ходасевич с 1913 г. В первые советские годы – служащий Наркомвнешторга, впоследствии – заведующий постановочной частью ленинградского Театра юных зрителей.

² Письмо В. М. Ходасевич М. Горькому от 14 июля 1924 г. (Архив А. М. Горького. КГ-ди-11-8-3). Опубликованная переписка с Н. Н. Берберовой дает подробную информацию о передвижениях художницы из Англии во Францию и далее в Италию (см.: *Khodasevich V., Margolina-Khodasevich O. Unpublished Letters to Nina Berberova.* Ed. by Richard D. Sylvester. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1979). В письме от 30 июня 1924 г. появляется впервые намек о возможной поездке в Италию, к Горькому, затем в письме от 28 июля 1924 г. она пишет Берберовой: “Дука <М. Горький – *Ред.*> торопит нас ехать к нему, соблазняет всячески. Хлопочет сейчас о наших итальянских визах” (Там же. Р. 61).

³ Письма О. Синьорелли к Горькому от 8 и 23 сентября 1924 г. (Архив А. М. Горького. КГ Рз 8 – 13)

шил ей о благоприятном исходе дела: "...с благодарностью извещаю Вас, что Андрей Дидерихс и жена его Валентина Ходасевич визы получили".⁴ Дядя В. М. Ходасевич, поэт В. Ф. Ходасевич, который в это время также проживал в доме Горького, записал 26 декабря 1924 года в своем журнале: "Приехали Дидерихсы".⁵ "Дела задержали нас в Лондоне и Париже, – вспоминала В. М. Ходасевич. – Мы попали в Сорренто только к встрече нового, 1925 года <...> на виллу 'Иль Сорито' (что значит "Улыбка"⁶) <...> Улыбалась нам не только вилла, но и все обитатели ее и радовались нашему приезду".⁷

Вместе с Горьким они посещают Неаполь и Помпеи. Из Сорренто в конце января 1925 года они отправляются в Рим, а в начале февраля, после отъезда мужа, В. М. Ходасевич возвращается в Сорренто.

В начале марта В. М. Ходасевич опять в Риме, чтобы работать над декорациями для спектакля "Lucrezia" по трагедии в стихах Кавикьоли,⁸ который готовился к постановке в Художественном Театре Пиранделло. Способствовала этому заказу, по всей вероятности, Синьорелли, в доме которой художница познакомилась с театральными посетителями ее салона.

6-го и 9-го марта 1924 года В. М. Ходасевич пишет Нине Берберовой: "С театром начинает выходить. Уже бегаю по музеям и библиотекам – изучаю матерьял < так!> для 'Лукреции'. Сделаю эскиз и тогда будет ясно, подхожу ли я для театра";⁹ "дня через два представлю рисунки пред светлые очи Пиранделло и будущее мое прояснится".¹⁰

13 марта В. М. Ходасевич сообщает Горькому из Рима: "Сегодня познакомилась с Пиранделло. Показала ему эскиз декорации – он одобрил. Таким образом, мое возвращение в Сорренто откладывается на неопределенный срок, ибо надо делать еще костюмы и следить за выполнением всего".¹¹ Работа В. М. Ходасевич в качестве театрального

⁴ Письмо Горького от 26 сентября 1924 г. (FSFC, папка "Gorkij").

⁵ Ходасевич В. Камер-фурьерский журнал. М. 2002. С. 66.

⁶ Валентина Ходасевич ошибается: по-итальянски "улыбка", хоть и фонетически близкое, но иное слово – "sorriso".

⁷ Ходасевич В. "Таким я знала Горького" // Новый мир. Март 1968. № 3. С. 32.

⁸ Речь идет о пьесе друга Синьорелли, писателя Джованни Кавикьоли (1894-1964), которая была написана в 1921 г. О Кавикьоли см. в "Тройной переписке" и в переписке Б. К. Зайцева и Синьорелли в первом томе наст. издания.

⁹ Письмо Н. Н. Берберовой от 6 марта 1925 г. (Unpublished Letters to Nina Berberova. P. 65).

¹⁰ Письмо Н. Н. Берберовой от 9 марта 1925 г. (Там же. P. 65-67).

¹¹ Архив А.М. Горького. КГ-ди-11-8-8.

художника для Художественного Театра Пиранделло¹² продолжалась три месяца (март-май 1925), но не получила театрального воплощения: здесь пьеса поставлена не была.¹³

В одном из писем, отправленных Берберовой в начале своего пребывания в Риме, В. М. Ходасевич пишет о ежедневных встречах с самой Синьорелли, с режиссером Георгием Кролем и его тогдашней женой Раисой Гуревич¹⁴ и упоминает, среди других, имена некоторых постоянных посетителей салона Синьорелли: писателя и музыканта Альберто Савиньо,¹⁵ художников Антонио Донги и Филиппо Де Пизиса.¹⁶ Часто упоминается также П. П. Муратов.

В. М. Ходасевич играет также роль посредника между Горьким и Синьорелли, которая вела переговоры о переводе его статьи о Ленине и пьесы “Вне закона” Льва Лунца, но с переводами произошла путаница, связанная с тем, что одновременно эти сочинения Горького были обещаны для перевода Э. Ло Гатто.¹⁷

Первоначальный энтузиазм от жизни в такой творчески насыщенной обстановке был слегка омрачен вечными заботами о жилье: “На этот раз все плохо. Я очень устала. Переезжала 3 раза – завтра еще переезд. Сейчас я в чудовищно грязном пансионе, но зато есть терраса с видом на Испанскую лестницу”.¹⁸

¹² “Teatro d’Arte” Пиранделло помещался в здании Palazzo Odescalchi и открылся 2 апреля 1925 г. пьесой самого драматурга “Sagra del Signore della Nave”. Художественный Театр ставил также пьесы Савинио, Вергани, Маринетти, Ибсена и Унамуно. Его деятельность продолжалась до 1928 г.

¹³ О том, как произошел разрыв с театром Пиранделло и о его причинах см. в очерке В. М. Ходасевич “Театр Пиранделло в Риме” (*Ходасевич В. Портреты словами: Очерки*. М.: Галарт, 1995. С. 216-219).

¹⁴ См. переписку Синьорелли с Кролем и Гуревич в первом томе наст. издания.

¹⁵ Альберто Савиньо (Alberto Savinio, псевдоним Андреа де Кирико, 1891-1952) – художник, музыкант, эссеист, младший брат Джорджо де Кирико, который в 1925 г. сотрудничал с Художественным Театром Пиранделло (см.: *д’Амелия А. Русские вечера в художественном театре Луиджи Пиранделло // Donum homini universalis. Сборник статей в честь 70-летия Н. В. Котрелева*. Москва: ОГИ, 2011. С. 90-100).

¹⁶ Антонио Донги (Antonio Donghi, 1897-1963) – живописец, сторонник так называемого магического реализма; Филиппо Де Пизис (Filippo De Pisis, 1896-1956) – писатель, график, живописец.

¹⁷ См. переписку Синьорелли с Н. Н. Берберовой и В. Ф. Ходасевичем в первом томе наст. издания.

¹⁸ Письмо Н. Н. Берберовой от марта 1925 г. (день не указан) (Unpublished Letters to Nina Berberova. P. 67-68).

Одновременно кипит работа над театральными декорациями: Ходасевич получает также заказ от Татьяны Павловой¹⁹ на создание эскизов для миланской постановки пьесы Ю. Беляева “Псиша”.²⁰ Закончив эту работу, она принимает решение вернуться в Ленинград и летом 1925 года покидает Сорренто.

Италия, тем не менее, остается для нее источником вдохновения: в 1927 году она оформляет оперу “Риголетто” Верди, поставленную Сергеем Радловым в студии Ленинградской консерватории. В письме от 4 февраля 1927 года она пишет Синьорелли: “Вот уже 1 ½ года, как я уехала из Италии, но не совру, если скажу, что ежедневно вспоминаю Италию и всех, кого я там видала и знала”. Ее переписка с Горьким продолжается, и в 1928 году (конец марта-середина сентября) она снова приезжает в Сорренто.

Здесь Ходасевич делает несколько набросков окрестностей виллы “Il Sorito” и договаривается с Горьким о работе над его новым портретом. Но вскоре она заболевает брюшным тифом, и от этого замысла пришлось отказаться.

Во время второй поездки она встречается с Ольгой Синьорелли на Капри. Судя по публикуемым письмам, В. М. Ходасевич очень дорожила вниманием О. Синьорелли и возможностью общения с ней, высоко ценя ее “ласковость” и “радушное и сердечное отношение” (см. ниже, письма от 17 августа 1925, 4 января 1926, 10 августа 1928).

Переписка содержит дополнительную информацию о пребывании художницы в Италии в 1920-е годы, о котором она повествует также в своих воспоминаниях,²¹ и новые сведения о переводческой деятельности О. Синьорелли.

Известные к настоящему времени письма В. М. Ходасевич к О. Синьорелли говорят о том, что дружеские отношения между ними поддерживались в течение нескольких лет после их последней встречи в Италии. К сожалению, архивы В. М. Ходасевич пока еще не доступны и нам неизвестно, хранятся ли в нем письма самой Ольги Синьорелли.

¹⁹ Татьяна Павлова (Tatiana Pavlova, псевдоним Татьяны Павловны Зейтман, 1890-1975) – актриса и театральная режиссер, которая переселилась в 1919 г. в Италию, ее постановки пользовались большим успехом. О ней см.: *Ruocco D. Tatiana Pavlova Diva Intelligente. Roma: Bulzoni Editore, 2000.*

²⁰ Пьеса Ю. Д. Беляева (1883-1917) была поставлена с декорациями В. М. Ходасевич в миланском театре Manzoni. Премьера под названием “Psiche” состоялась 22 ноября 1926 г.; режиссер С. В. Стренковский. В рецензии на этот спектакль, опубликованной в газете “Corriere della Sera” от 23 ноября 1925 г. декорации В. М. Ходасевич названы “красивыми, яркими и простыми”.

²¹ *Ходасевич В. Портреты словами. С. 216-219.*

Письма печатаются по автографам из FSFC, папка “Valentina Chodasewic”. В FSFC также хранятся фотографии для виз В. М. Ходасевич и А. Р. Дидерихс и анкета со сведениями о них для оформления итальянской визы. На этом же листке приведены данные о профессии, рождении и сроках предыдущей поездки в Италию В.Ф. Ходасевича и Н.Н. Берберовой (14 марта -14 апреля 1924 г.).

В. М. Ходасевич в вилле “Il Sorito”. 1925 г.

1

14. 2. <19>25

Capo di Sorrento, Villa "Il Sorito"

Многоуважаемая Ольга Ивановна,

сизу здесь, с восторгом вспоминаю Рим и сожалею, что так мало удалось побывать там. Надеюсь скоро опять поехать. Рукопись статьи Алексея Максимовича о Ленине до сих пор им не получена из Берлина.¹ На днях сюда приедет уполномоченный Ал<ексея> М<аксимовича> по его делам в Берлине,² и ему еще раз будет сказано, чтобы он прислал рукопись сюда, после чего ее Вам перешлют. Я узнала, что права на печатание и постановку в театре произведений Л. Лунца принадлежат издательству "Эпоха" (Spichern Strasse 4, Berlin w. 50, Eroscha Verlag).³ Заведует "Эпохой" Соломон Гитманович Каплун.⁴ Мне кажется, что если Вы ему напишете, то этот вопрос выяснится скорее, чем через брата Лунца, т. к. брат Лунца должен будет действовать также через "Эпоху".

Что касается второй пьесы Лунца "Бертран де Борн", то по-русски, оказывается, она нигде не печаталась.⁵ Вышла она в немецком переводе в Австрии.⁶ Я Вам ее раздобуду и пошлю.

Пока всего Вам хорошего.

Уважающая Вас Валентина Ходасевич

¹ Речь идет об очерке Горького "В. И. Ленин", написанном сразу после его смерти. На русском языке первая редакция очерка в отрывках была напечатана 11 апреля 1924 г. в газете "Известия", с небольшими сокращениями очерк опубликован 10 мая 1924 г. в журнале "Русский современник". На итальянском языке был опубликован отрывок из этого произведения, переведенного из "Русского современника", в журнале Э. Ло Гатто "Russia" (1925. № 1. P. 50-56). Судя по всему, О. Синьорелли просила переслать ей рукопись очерка "В. И. Ленин" для перевода и публикации его на итальянском языке в полном объеме. О дальнейшем ходе дела известно из письма В. М. Ходасевич Горькому от 28 апреля 1925 г. из Рима: "Вышла большая неловкость с О. И. Синьорелли из-за Вашей статьи о Ленине, которую Вы ей разрешили (через меня) перевести на итальянск<ий>. Оказалось, что в то время, когда я Вас об этом спрашивала, а позднее опять говорила об этом с Мар. Игнатьевной и она подтвердила ваше согласие, – статья уже давно была отдана Логатто для перевода и печати здесь в Риме. Я не понимаю этого поступка Мар. Игн. и не знаю, как все это объяснить Ольге Ивановне, чтобы это вышло благопристойно. Я совершенно теряюсь от таких 'тонкостей'" (Архив А. М. Горького. КГ-ди-11-8-9). О деловых контактах упомянутой здесь М. И. Будберг с профессором русской литературы Этторе Ло Гатто, переводившим произведения Горького на итальянский язык, см.: Архив А. М. Горького. Том XVI. А. М. Горький и М. И. Будберг. Переписка (1920-1936). М. 2001. С. 88, 92, 310.

² Имеется в виду издательский работник и секретарь Горького Петр Петрович Крючков (1889-1938), проживавший в это время в Берлине и осуществлявший связь

писателя с берлинскими и советскими издательствами. Рукопись очерка “В. И. Ленин” Горький послал Крючкову для перепечатки на машинке и отправки издателю еще в феврале 1924 г. Крючков, действительно, приезжал весной 1925 г. к Горькому в Сорренто и, вероятно, привез рукопись очерка с собой.

³ Речь идет о пьесах писателя Льва Натановича Лунца (1901-1924) “Вне закона” и “Город Правды”, напечатанных соответственно в книге 1 (1923) и книге 5 (1924) журнала “Беседа”. Этот журнал, главным редактором которого был Горький, выпускался в Берлине в 1923-1925 гг. издательством “Эпоха”. Лунц умер в возрасте двадцати трех лет от туберкулеза в немецкой клинике в Гамбурге. Горький очень любил молодого писателя, высоко ценил его талант. В некрологе “Памяти Лунца”, опубликованном в 5-й книге журнала “Беседа” вместе с пьесой Лунца “Город Правды”, Горький писал: “Он был талантлив, умен, был исключительно – для человека его возраста – образован. В нем чувствовалась редкая независимость и смелость мысли <...> независимость была основным, природным качеством его хорошей, честной души, тем огнем, который гаснет лишь тогда, когда сжигает всего человека” (Цит. по: *Горький М. Несобранные литературно-критические статьи*. М. 1941. С. 106). Мнение Горького о творчестве Лунца резко отличалось от негативного отношения к нему официальной партийной критики и советского руководства. Пьесу “Вне закона” Горький вначале предполагал напечатать в Петрограде, в альманахе “1921”, но издание не состоялось. Затем он рекомендовал эту драму редактору журнала “Красная новь” А.К. Воронскому, который, однако, отверг ее за “анархическое настроение” и “индивидуалистический дух” (“Неизвестный Горький” - К 125-летию со дня рождения. М. 1994. С. 154). Тогда Горький решил напечатать пьесу в своем журнале “Беседа”. Пьеса “Вне закона” была принята к постановке Александринским театром Петрограда. Его же заинтересовался и Малый театр в Москве. Однако А. В. Луначарский в письме к руководителю этого театра А. И. Южину от 26 июля 1923 г. подверг пьесу Лунца резкой критике как “явно контрреволюционную” “выдумку мелкого, злобного обывателя” (ЛН. Т. 82. М. 1970. С. 375-376). Вскоре после этого пьеса была запрещена к постановке во всех советских театрах. О высокой оценке Горьким творчества Лунца свидетельствует и тот факт, что он настоятельно советовал Ло Гатто переводить его произведения: в журнале “Russia” появились “Город Правды” и другие его прозаические вещи (1924. № 4. Р. 227-240).

⁴ Соломон Гитманович Каплун (лит. псевдоним Сумский, 1883 или 1891-1940) – писатель, журналист, владелец издательства “Эпоха”.

⁵ Вероятно, В. М. Ходасевич ошиблась: трагедия Л. Н. Лунца “Бертран де Борн”, посвященная провансальскому средневековому поэту, впервые была опубликована на русском языке в сборнике “Город” (Пб. 1923, № 1). Лунц послал рукопись этой трагедии Горькому вместе с рукописью драмы “Вне закона”, и Горький хотел ее также опубликовать в своем журнале “Беседа”. Возможно, публикация не состоялась потому, что пьеса ранее была напечатана в России.

⁶ Сведений о выходе пьесы в Австрии разыскать не удалось.

2

4. VI. <19>25
 Capo di Sorrento
 Villa “Il Sorito”

Дорогая Ольга Ивановна,

вот я и в Сорренто, которое как-то этот раз меня очень мало радует. Очень я полюбила Рим¹ и здесь мне будет трудно. Как-то и все здешние мне вдруг стали немного чужими. Это-то вероятно наладится. Завтра собираюсь начать купаться.

У меня к Вам просьба: когда увидите Celli² (может не так пишется?), спросите ее, нравятся ли ей моя декорация и костюмы к “Лукреции” и если “Лукреция” пойдет в новом театре (о котором Вы мне говорили),³ то не воспользуются ли там моей монтировкой спектакля. Мне бы этого очень, очень хотелось, ибо сейчас у меня ощущение, что я произвела на свет мертворожденное дитя. Ведь театральные рисунки – прикладное и начинают жить только по осуществлению. Я думаю, что с театром Pirandello легко будет сговориться и получить от них рисунки. Они же им не нужны. Я получила за них 1250 лир. Привет мой M.lle Celli – я очень жалею, что так и не удалось ее увидеть на сцене. Очень надеюсь, дорогая Ольга Ивановна, что Вы меня не забудете и мы с Вами какими-нибудь судьбами встретимся летом.

Андрею Романовичу я написала о Лермонтове.⁴

Передайте привет мой сердечный всем, кого я у Вас встречала и кто меня помнит.

Целую вас крепко. Любящая вас Валентина Ходасевич⁵

¹ В. М. Ходасевич вернулась в Сорренто в конце мая 1925 г. В письме к В. Ф. Ходасевичу от 29 мая Горький сообщает, что В. М. Ходасевич на днях приезжает (Архив А. М. Горького. ПГ-рл-48-12-33).

² Имеется ввиду актриса театра и кино Мария Летиция Челли (Maria Letizia Celli, 1982-1972), которая тогда сотрудничала с Пиранделло. В архиве Синьорелли хранятся восемь ее писем и три фото (ARI, VI. T. I. P. 29).

³ После отмены постановки “Лукреции” в Художественном Театре Пиранделло М.Л. Челли и Гуальтиеро Тумиати решили поставить эту пьесу Кавикьоли силами своей труппы (об этом см. в следующем письме).

⁴ Вероятно, здесь идет речь о выполнении просьбы, связанной с пересылкой необходимых Синьорелли книг (см. письмо В. М. Ходасевич О. Синьорелли от 17 августа 1925 г.). Андрей Романович – Дидерикс.

⁵ В приложении – письмо академика, знакомого Горького А. В. Старкова с просьбой о визе и сведениями о себе.

Андрей Романович Дидерикс. 1920-е гг.

3

17. VIII. <19>25 г.¹
<Капо ди Сорренто>

Дорогая Ольга Ивановна,
спасибо Вам за письмо. Столько за это время у нас было происшествий и волнений, что никак не могли собраться Вам написать. Я очень плохо себя чувствовала, поехала в Неаполь к доктору, который решил, что у меня туберкулез левого легкого. Положили меня в больницу для всяких исследований и наблюдений на 3 дня. Туберкулеза не оказалось, но что со мной, так и неизвестно, а чувствую себя ужасно и ежедневно повышается температура.²

Вчера неожиданно (ждали 10-го сентября) жена сына Ал. Максимовича родила дочь. Обе здоровы, но роды были трудные, а главное, что ничего не было приготовлено (даже куска ваты не было). Счастье, что в Сорренто раздобыли неаполит<анского> врача, случайно приехавшего отдохнуть. Конечно, всем нам пришлось принимать деятельное участие в родах, и мы все совсем замучились. Сегодня я получила письмо от Celli, она просит немедленно выслать ей эскизы “Лукреции”, т. к. 1-ого октября уже должен быть 1-ый спектакль. Я ей сейчас ответила, прося ее раздобыть эскизы у Пиранделло. Не знаю, выйдет ли что из этого. Было бы очень досадно, если нет. Я окончательно решила

ехать в Питер 5-го сент<ября>.³ В Риме пробуду дней 5. Очень надеюсь Вас увидеть, может Вы уже вернетесь из Риги.⁴ Если же нет, то надеюсь, что Вы меня не забудете до весны, когда я опять надеюсь приехать в Рим. Спасибо Вам за все, что Вы для меня сделали и за ласковость, с которой Вы ко мне отнеслись. Привет Вашим дочкам и Вашему мужу.

Любящая Вас Валентина Ходасевич

P.S. Андрей Романович сообщил мне, что за книги и пересылку он заплатил 9 долларов (я не знаю, сколько это лир).

¹ Датировка наст. письма ошибочна. Судя по фразе “Вчера... жена сына... родила дочь”, оно было написано 18 августа. Жена Максима Пешкова, Надежда Алексеевна Пешкова, родила дочь Марфу 17 августа 1925 г.

² В молодости В. М. Ходасевич страдала заболеваниями легких, в частности, туберкулезом. В 1918 и 1919 гг. (благодаря усилиям М. Ф. Андреевой и М. Горького), лечилась у питерского доктора И. И. Манухина и, по собственному признанию, навсегда избавилась от тяжелой болезни (см.: *Ходасевич В.* Таким я знала Горького. С. 15; *Ходасевич В.* Портреты словами. С. 141-142).

³ В письме М. Горькому от 26 сентября 1925 г. В. М. Ходасевич сообщала, что благополучно добралась до дома (Архив А.М. Горького. КГ-ди-11-8-10).

⁴ В сентябре 1925 г. Синьорелли отдыхала в своем латышском родовом поместье в местечке Эмбурга.

4

4. I. <19>26 г. <Ленинград>

Дорогая Ольга Ивановна,

с опозданием, правда, но поздравляю Вас с Новым годом и желаю Вам от всей души всяких удач, радости и всего, что Вам самой хочется. Я часто, часто вспоминаю Вас, нашу с Вами прогулку по церквам и Ваше ласковое отношение ко мне. Грустно было уезжать из Италии, не повидавшись с Вами. Как вернулась сюда, началась у меня жизнь нелепая. Было сразу же много работы в театрах. Через месяц после приезда обрушилось на меня огромное (первое в моей жизни, настоящее) несчастье – умер внезапно мой отец,¹ проболев неделю тифом. До сих пор трудно мне переварить это и прийти в себя. Ради мамочки, пришлось вести себя героически. Конец года ознаменовался смертью многих знакомых – все людей искусства. Повесился Сергей Есенин.² Какой-то сплошной кошмар! Я спасаюсь работой. Сдала две больших постановки. Одну в Александринке, другая – оперетка.³ Успех большой,⁴ но устала очень и раздергалась. Ведь спокойно работать в театре никогда не удастся! Даже у Пиранделло, как помните! Да, я так и уехала, не дождавшись результатов переговоров между Celli и Pirandello отно-

сительно моих эскизов к “Лукреции”. Не знаете ли, что из этого всего вышло? А что с театром Pirandello?⁵ Как хотелось бы очутиться сейчас в Риме в Вашем уютном кабинете и поговорить с Вами о многом, многом!

Как Вы съездили в Ригу? Очень Вы были печальная и расстроенная перед отъездом и так искренно я желала, чтобы Вам было лучше на душе!

Как Ваши дети? Как рисование Марии?⁶

Уехала я с полной уверенностью, что весной вернусь и увижу Вас. Теперь уверенность эта поколебалась. Пытаюсь накопить денег на поездку, но ничего из этого не выходит, и даже трудно заработать на жизнь. Надеюсь на чудеса и на то, что может к осени попаду в Италию. Если бы не личные огорчения, то жизнь здесь у нас хорошая и интересная. Вот с живописью только очень плохо обстоит. Полный упадок. Большинство художников не работают, а “зарабатывают”, и это в лучшем случае, а то и ничего не делают! В литературе, театре и музейных делах – весьма, весьма интересно и благополучно. Переписываюсь с Алексеем Максимовичем.⁷ Из писем вижу, что ему что-то плохо.⁸ Обидно это очень, т. к. несправедливо. Вот, дорогая Ольга Ивановна, краткие сведения о моей жизни. Я знаю, что Вам трудно и некогда писать письма. Все же, если бы когда-нибудь Вы собрались черкнуть мне хоть открытку, была бы очень, очень счастлива. Привет всем, кого у Вас встречала и кто меня помнит.

Вас крепко целую и вспоминаю с любовью.

Ваша Валентина Ходасевич

Мой адрес: Ленинград, ул. Халтурина, д. 3, кв. 9.

Андрей Романович шлет вам сердечный привет.

¹ Михаил Фелицианович Ходасевич, отец В. М. Ходасевич, скончался 13 декабря 1925 г. в возрасте 58 лет (*Ходасевич В. Портреты словами.* С. 226).

² Сергей Александрович Есенин (1890-1925) повесился в ленинградской гостинице “Англетер” 28 декабря 1925 г.

³ Вероятно, речь идет о постановке пьесы “Скипетр” (по роману А. Эрмана) в Академическом театре драмы (бывшем Александринском) в Ленинграде. Автор инсценировки и режиссер Н. В. Петров. Декорации – по эскизам В. М. Ходасевич. Премьера – 17 декабря. Оперетта – “Рикетта”, в 3-х д., музыка О. Штрауса в Театре “Музыкальной комедии” (Ленинград). Режиссер С. Э. Радлов. Декорации – по эскизам В. М. Ходасевич. Премьера – 16 декабря. (см.: Валентина Михайловна Ходасевич (1894-1970). Каталог [выставки] / Вступ. статья Е. Ракипиной. М.: Советский художник, 1979, раздел “Работа в театре”; см. также афишу премьеры “Рикетты”: Рабочий и театр. 15 декабря 1925. № 50. С. 4). О причинах, заставивших В. М. Ходасевич взяться за оформление этой оперетты, она писала Горькому 19 ноября 1925 г.: “Работаю успешно, но плохо

насчет денег. Пришлось сейчас взять еще оперетку” (Архив А. М. Горького. КГ-ди-11-8-12).

⁴ Пьеса “Скипетр” была встречена прессой тех лет крайне негативно – как спектакль, который “никакой общественной ценности не представляет” (Рабочий и театр. 22 декабря 1925. № 51. С. 9 – передовая статья). Даже достоинства самой постановки были интерпретированы негативно: “В постановочном смысле ‘Скипетр’ может и понравиться, но ведь это же скорее плохо, чем хорошо!” (рецензия рабкора Тромповского. Там же. С. 13). В этом же номере помещено постановление Губернского театрального совета о неприемлемости пьесы, разрешении двух уже объявленных спектаклей (с учетом замечаний), с последующей переработкой и перенесением на сцену Академического малого театра (Там же). В следующем номере журнала была помещена дискуссия по поводу спектакля, с участием режиссера Н. В. Петрова (Рабочий и театр. 29 декабря 1925. № 52. С. 14-16). В рецензии Конст. Тверского говорилось об оформлении спектакля: “...большую работу проделал художник (В. Ходасевич), работу очень неровную и неравноценную в своих частях” (Там же. С. 15). Отрицательные рецензии см. также: Жизнь искусства. 29 декабря 1925. № 52. С. 14 (автор Адр. Пиотровский); Рабочий и театр. 19 января 1926. № 3. С. 10 (подпись Б. М., здесь же – продолжение диспута о пьесе). Оперетта “Рикетта” не вызвала нареканий и была встречена одобрительно: постановка “отличается свежестью и новизной” (*Мазинг Б. Рикетта в “Музыкальной Комедии”* // Рабочий и театр. 22 декабря 1925. № 51. С. 15); “Спектакль оказался на редкость слаженным, бойким, живым и веселым” (Жизнь искусства. 22 декабря 1925. № 51. С. 14; подпись: Маска).

⁵ Несмотря на то, что сам Пиранделло тщательно отбирал репертуар своего театра и вкладывал в постановки все силы, несмотря на поддержку фашистского правительства, Художественный Театр потерпел финансовый крах. Тяжелое экономическое положение не позволило труппе превратиться в “городской театр” Рима. С июня 1925 г. Художественный театр отправился в турне по Италии и за границу, благодаря которому в течение последующих лет произведения его основателя завоевали успех у самой широкой публики.

⁶ Речь идет о старшей дочери Синьорелли Марии (Maria Signorelli, 1908-1992) – в будущем известной художнице и театральном деятеле.

⁷ Дружеские отношения, сохранившиеся на всю жизнь, В. М. Ходасевич с Горьким завязались в 1919 г., когда, по приглашению Горького, она с мужем переехала жить в его квартиру на Кронверкском, где оставались до отъезда Горького за границу в 1921 г. Она гостила у Горького в Саарове с ноября 1922 по май 1923 г. и дважды в Италии (конец 1924 – весна 1925 г. и конец марта – середина сентября 1928 г.). Их переписка носила систематический характер с 1918 г. (письма Горького к В. М. Ходасевич частично опубликованы в журнале: Новый мир. 1968. № 3. С. 11-66, в составе воспоминаний В. Ходасевич: “Таким я знала Горького”; письма В. М. Ходасевич к Горькому не опубликованы и хранятся в Архиве А. М. Горького). Воспоминания В. М. Ходасевич о Горьком см. также в кн.: *Ходасевич В. Портреты словами.*

⁸ Тревожное настроение Горького в осенних письмах 1925 г. было связано с тем, что полиция Сорренто 17 сентября произвела в его доме обыск, а затем “густо обставила шпионами” (письмо Горького В. М. Ходасевич от 8 октября 1925 г. – Новый мир. 1968. № 3. Март. С. 40-41). Горький негодовал из-за обыска и сообщал В. М. Ходасевич: “Хотя предо мною извинились, но это меня не устраивает. Я требую объяснений. Мне

очень важно знать, как Вы понимаете все это? <...> Чувствую себя очень плохо. Нервы” (письмо Горького В. М. Ходасевич от 10 ноября 1825 г. Архив А. М. Горького. ПГ-рл-48-9-9). Кроме того, в декабре 1925 г. Горький хворал: “...схватил бронхит <...> бессоница и т° одолели меня” (письмо Горького В. М. Ходасевич от 20 декабря 1925 из Неаполя – *Ходасевич В.* Таким я знала Горького. С. 41-42). Тон всех названных писем достаточно грустный – несмотря на замечание в последнем из них: “Я – великодушен, я скажу, что все хорошо”.

5

4. II. <19>27 г.

Дорогая Ольга Ивановна,

писала Вам несколько раз, но ответа не получила. Правда, я знаю, что Вы очень занятой человек, да и не любите писать писем.

Вот уже 1 ½ года, как я уехала из Италии, но не совру, если скажу, что ежедневно вспоминаю Италию и всех, кого я там видала и знала. Конечно, опять надеюсь и мечтаю попасть в Рим. Алексей Максимович очень зовет меня приехать к ним.¹ Пока у меня нет возможности поехать, но я все же продолжаю надеяться и даже хочу хлопотать о визе в Италию.² Говорила я с секретарем здешнего Итальянского Консульства. Надо заполнить анкету и указать лиц, знающих и могущих обо мне дать отзыв в Италии. Вот обращаюсь к Вам с просьбой разрешить упомянуть Вас. Т.к. ответ на запрос визы можно получить месяцев через 5, то очень прошу Вас черкнуть мне два слова на открытке о Вашем согласии или несогласии. Бесконечно буду Вам благодарна за это, милая Ольга Ивановна. Я очень устала и измоталась и, если не удастся попасть в Италию летом, не знаю, откуда я почерпну силы для дальнейшего существования. Мой муж Андрей Романович (Вы его знаете) и не думает об Италии, но вдруг и у него к лету явится возможность поехать со мной. Советую и ему на всякий случай подать прошение о визе, а потому прошу Вас сообщить мне, может ли он пометить Вас в своей анкете.

Все время работаю в театрах и по графике.³ Все бы хорошо, но здоровье подводит. Что случилось с “Лукрецией”, неужели она так и не была поставлена?⁴ Ужасно жаль, если так. “Псишу”, которую я делала для Т. Павловой, поставили и в рецензии помянули добрым словом и меня.⁵

Простите меня, что беспокою Вас. Желаю Вам от души всего хорошего. Привет Вашему мужу, детям и всем, кого у Вас встречала.

Андрей Романович шлет Вам нижайший поклон.

Целую вас крепко. Валентина Ходасевич

¹ 28 декабря 1926 г. Горький писал В. М. Ходасевич из Сорренто: “Это будет неплохо, если Вы и Андрей Романович приедете сюда летом...” (*Ходасевич В.* Таким я знала Горького. С. 45).

² Хлопоты увенчались успехом. В письме М. Горькому от 9 августа 1927 г. В. М. Ходасевич сообщала о получении итальянской визы и для оформления паспорта просила отправить в Отдел управления Ленинградского губисполкома справку, подтверждающую, что она будет жить у него и на его иждивении (Архив А. М. Горького. КГ-ди-11-8-22). Соответствующий документ был выслан (см.: письмо М. Горького В. М. Ходасевич от 19 августа 1927 г. – *Новый мир.* 1968. № 3. С. 47; см. также письмо В. М. Ходасевич Горькому от 1 сентября 1927 г. Архив А. М. Горького. КГ-ди-11-8-24). Поездка в Италию состоялась в следующем 1928 г.

³ В 1926-1927 гг. В. М. Ходасевич оформила несколько драматических и музыкальных спектаклей: 1. “Ливень”. Инсценировка М. Рейнхардта по повести Уильяма Сомерсета Моэма (1926. Академический театр драмы, Ленинград. Режиссер В. Р. Раппопорт); 2. “Отелло”. Уильям Шекспир (1927. Тот же театр. Режиссер С. Э. Радлов. Макет I акта воспроизведен в книге: *Сто лет. Александринский театр – Театр государственной драмы. 1832-1932.* Л. 1932. С. 479; эскиз декорации – В. Ходасевич); 3. “Соня”. Оперетта Ашера (1926. Театр “Музыкальная комедия”, Ленинград. Режиссер С. Радлов); 4. “Женихи на колесах” (“Долли”). Оперетта В. Ранцатто (1926. Малый оперный театр, Ленинград. Режиссер Р. Радлов). См.: Валентина Ходасевич. Каталог. Раздел “Работа в театре”; *Ходасевич В.* Портреты словами. С. 225. В 1927 г. она работала как иллюстратор, в том числе – произведений Андре Жида “Подземелья Ватикана”, “Имморалист” (Валентина Ходасевич. Каталог. Раздел “Рисунки, акварели, иллюстрации”).

⁴ Факт использования декораций Ходасевич в постановке “Лукреции” труппой Челли и Тумиати установить не удалось.

⁵ Об осуществлении этой постановки весной 1925 г. см. в преамбуле к наст. публикации, а также: *Ходасевич В.* Таким я знала Горького. С. 39; *Ходасевич В.* Портреты словами. С. 222-224.

6

14. VI. <19>28, Sorrento¹

Дорогая Ольга Ивановна,

ну и поболела же я здорово!² Говорят, что было мне очень плохо и я чуть не умерла — я об этом не знаю. Теперь, вот уже 2 недели, как тиф кончился и я поправляюсь и набираюсь сил. Доктор мой очень осторожен, а потому сижу еще на строгой диете — ем только вареную пищу и еще лежу, хотя уже вот 2 дня, как вставала на час. По правде сказать, ходить и сидеть мне в первый раз совсем даже не понравилось и оказаться в вертикальном положении было очень противно. Теперь мое окончательное выздоровление пойдет, говорят, очень быстрым темпом. Как только я наберусь сил, мы собираемся с Тимошей (жена Макса) на Капри на несколько дней.³ Тимоша говорит, что Вы собирались тоже приехать на Капри. Т. к. мне ужасно хочется увидеть Вас, то я хотела бы приурочить нашу поездку к Вашему пребыванию на Капри.

Черкните, дорогая Ольга Ивановна, когда Вы рассчитываете быть на Капри и в каком отеле. Пока желаю Вам всего хорошего, крепко Вас целую и шлю привет Вашему мужу и дочерям.

Жду от Вас хоть несколько слов.

Ваша Валентина Ходасевич

¹ В. М. Ходасевич приехала в Сорренто 28 марта 1928 г. и выехала в Париж 18-19 сентября (письма Н. А. Пешковой М. А. Пешкову – А. М. Горький и М. И. Будберг. Переписка. С. 407; *Ходасевич В.* Таким я знала Горького. С. 47-51).

² В конце апреля 1928 г. В. М. Ходасевич заболела брюшным тифом (*Ходасевич В.* Таким я знала Горького. С. 50-51; *Ходасевич В.* Портреты словами. С. 245). 30 апреля Н. А. Пешкова сообщила Е. П. Пешковой из Сорренто: “Максим на днях ездил с Купчихой <домашнее имя В. М. Ходасевич.> и Крючковыми в Рим <...> бедная купчиха не доехала домой, слегла в Неаполе...” (А. М. Горький и М. И. Будберг. Переписка. С. 397). О состоянии В. М. Ходасевич Горького несколько раз информировала М. И. Будберг (см. ее письма Горькому от 20 мая из Сорренто, от конца мая 1928 г. из Парижа – Там же. С. 165-166).

³ В письме от 8 июня 1928 г. Н. А. Пешкова писала мужу: “Купчиха скоро встанет, мы уже мечтали поехать вместе дня на два на Капри” (Архив А. М. Горького. ФНП-рл-2-23-8). См. ниже, комментарий к письму В. М. Ходасевич от 10 августа 1928 г.

7

15. VII. <19>28 г.
Sorrento, Villa “Il Sorito”

Дорогая Ольга Ивановна,

наконец получила от Вас письмо и очень была обрадована этим, а еще больше радуюсь тому, что скоро увижу Вас на Капри. Мы еще не ездили туда. Мне ужасно хочется уютно с Вами посидеть и поговорить. Здесь я немного “одичала”. Живем очень тихо – почти никого не видим. Бывают иногда кое-кто из соррентийцев, но это все такое сплошное мешанство, что для меня даже трудно переносимо.

Брожу по Саро, делаю наброски. По настоящему работать еще не начала. Про болезнь уже почти забыла. Только вот быстро утомляюсь, но это вероятно от жары. Андрей Романович (мой муж) пишет мне мрачные письма, а Максим Тимоше наоборот – преувеличенно восторженные. Ал<ексей> Макс<имович> сейчас поехал по югу России.¹ Ждем его в сентябре обратно.² Я все еще не знаю, когда поеду домой. Тимоша благодарит за фотографии и просит Вас, если возможно раздобыть для нее статью Вашего друга об Ал<ексее> Макс<имовиче>, о которой Вы упоминаете в Вашем письме.³ Мария Игн<атьевна> в Эстони и неизвестно, когда вернется сюда.⁴

Кажется ни одно мое письмо к Вам не бывает без просьб, так и на этот раз. Вы уж на меня не сердитесь, пожалуйста! Дело вот в чем: мой большой друг, человек, с которым я почти всегда работаю в театре, режиссер Питерского Мариинского театра, *Сергей Эрнестович Радлов*,⁵ никогда не бывавший за границей, наконец выбрался и сейчас уже в Берлине. Ему безумно хочется увидеть Италию, но он ограничен сроком возвращения в театр (конец августа), а прошение об итальянской визе он подал не так давно в Итал<ьянское> Консульство в Ленинграде, ответ же на запрос визы обычно дают месяца через 2-3.

Нет ли у Вас знакомств в Министерстве иностранных дел, чтобы попросить об ускорении срока ответа. Никаких препятствий к тому, чтобы его впустили в Италию, нет. Он человек искусства и только и очень талантливый. Если ему дадут визу через 2 месяца, то ему это будет уже ни к чему.⁶

Визу уже нужно направить в Берлин в консульство. Если бы Вы только могли исполнить эту мою просьбу! Мне очень важно увидеть этого человека, а ему важно (для его творчества) увидеть Италию. Сделайте, что возможно, умоляю Вас! Мне опять не повезло: ездила в Неаполь рвать зубы и вернулась с распухшей щекой – ни есть, ни говорить нельзя было. Теперь уже почти прошло. Что-то в этом году Италия не милостива ко мне. Вот пока все, милая Ольга Ивановна. Не забывайте меня, не сердитесь за просьбы!

Всего Вам хорошего. Привет всем Вашим.

Любящая Вас Валентина Ходасевич

¹ Горький впервые после отъезда из России в 1921 г. посетил СССР летом 1928 г. Он приехал в Москву 28 мая, а 6 июля отправился в большую поездку по городам юга России, останавливаясь в Курске, Харькове, Запорожье, Ялте, Баку, Таганроге, Ростове-на Дону, Тифлисе, Ереване, Владикавказе, Сталинграде, Саратове, Самаре, Казани, Нижнем-Новгороде. В Москву писатель вернулся из поездки 11 августа.

² Горький возвратился в Сорренто 12 октября 1928 г.

³ О какой статье идет речь установить не удалось, но, судя по всему статья была выслана М. Горькому 12 августа 1928 г. В этот день Н. А. Пешкова писала мужу: “Она <О. Синьорелли> просила меня переслать Дуке статью; эту статью писал ее друг” (Архив А. М. Горького. ФНП-рл-2-23-32).

⁴ Каждое лето М. И. Будберг уезжала из Сорренто в Эстонию, где жили ее дети Татьяна и Павел. В Сорренто она вернулась 22 сентября 1928 г. См.: А. М. Горький и М. И. Будберг. Переписка. С. 176.

⁵ С режиссером С. Э. Радловым (1892-1947) В. М. Ходасевич начала сотрудничать в Театре народной комедии (где Радлов был главным режиссером, а она – главным художником). За время работы (1920-1921) ею было оформлено шестнадцать спектаклей, четырнадцать из них – в постановке Радлова (см.: Валентина Ходасевич. Каталог. Раздел “Работа в театре”; *Ходасевич В. Портреты словами*. С. 156-164). В 1924 г. В. М.

Ходасевич оформила поставленную С. Радловым оперетту “Девушка-сыщик” (Театр “Музыкальная комедия”). О совместных работах В. М. Ходасевич и С. Радлова в 1926-1927 гг. см. примеч. 3 к письму от 4 февраля 1927 г.

⁶ Судя по всему, эта просьба В. М. Ходасевич была выполнена (см. ее письмо О. Синьорелли от 24 августа 1928 г.).

8

10. VIII. <19>28 г.

Sorrento

Дорогая, хорошая Ольга Ивановна, спасибо Вам большое, большое за радушное и сердечное отношение ко мне. Мне так было это нужно и ценно — я приехала на Капри в плохом душевном состоянии и так мне сделалось легко и хорошо там.¹ Мы все приедем в среду с вечерним парходом.² Если Мария не раздумала, то мы все будем очень рады, если она приедет сюда к нам. Будем ждать от нее открытку или телефон, чтобы встретить ее на Marina. Тимоша очень благодарит Вас за статью и уже послала ее Ал<ксею> Макс<имовичу>. Я искала журнал “Азия”,³ но пока не нашла. Надеюсь найти его и привезти. Название негритянской книжки (о которой я Вам говорила) следующее: Blaise Cendrars. *Antologie nègre*. Editions de la Sirène. Paris. MCMXXI.⁴

Целую Вас нежно и еще благодарю. Сердечный привет Вашим всем и Signor’e Bianchi.⁵

Любящая Вас Валентина Ходасевич.

¹ Во время пребывания на Капри В. М. Ходасевич удалось повидаться с О. Синьорелли (см.: *Ходасевич В.* Портреты словами. С. 246), которая провела на Капри весь август и только в конце месяца вернулась в Рим (об этом в письме Ольге Шор от 17 августа 1928 г. – см. “Тройная переписка” в первом томе наст. издания).

² О предстоящей поездке идет речь в письме Н. А. Пешковой мужу, М. А. Пешкову (14 августа 1928 г.): “Завтра все отправляемся на Капри к Signorelli – там устраивается костюмированный бал, на этот раз даже и Соловей решил поехать” (Архив А. М. Горького. ФНП-рл-2-23-33). Соловей – И. Н. Ракицкий.

³ Журнал с таким названием в это время не выходил. Вероятно, В. М. Ходасевич хотела послать своей корреспондентке сборник “Азия” из личной библиотеки Горького: Азия: Иллюстрированный географический сборник, составленный преподавателями географии А. Крубером, С. Григорьевым, А. Барковым и С. Чефрановым. М. 1908 (Личная библиотека А. М. Горького в Москве: Описание. Кн. 1. М. 1981. № 3774).

⁴ Блез Сандрап (Blaise Cendrars, наст. имя Frédéric-Louis Sauser (1887-1961) – швейцарский писатель, представитель французского авангарда. Работал в Петербурге с 1904 г. до 1907 г. и был второй раз проездом в 1911 г. на пути в Нью-Йорк. Вместе с художницей Соней Делонэ создал книгу-эксперимент “La Prose du Transsibérien et de la Petite Jehanne de France” (1913). Указанная книга “Anthologie nègre” (“Негритянская ан-

тология”) стала культовой книгой, важным явлением для распространения интереса к примитивизму.

⁵ Неустановленное лицо. В Италии фамилия Bianchi одна из самых распространенных.

9

19. VIII. <19>28. Sorrento

Дорогая Ольга Ивановна,
 посылаю Вам 2 книжки Форш. Когда прочтете, перешлите их, пожалуйста, Тимоше.¹

Из вчерашнего бала ничего не вышло и боюсь вообще, что Мария у нас проскучала. Сейчас, как-то так случилось, что у каждого из обитателей “Sorito” накопилось много личных неприятностей, и я думаю, что вновь прибывшие вероятно чувствуют, что не все ладно. У меня так все складывается, что на этих днях может придется уехать отсюда прямо домой.² Если Вас не увижу, милая, хорошая Ольга Ивановна, то во всяком случае напишу Вам и всегда буду вспоминать с большой любовью и нежностью.

Целую Вас крепко. Привет сердечный Вашему мужу и дочкам, а также знакомым.

Преданная Вам Валентина Ходасевич

¹ Видимо, упомянутые книги принадлежали М. Горькому, поэтому В. М. Ходасевич просила вернуть их снохе писателя Н. А. Пешковой (Тимоше). В личной библиотеке Горького хранится несколько книг О. Форш, вышедших в 1927-1928 гг. и подаренных ему этой писательницей.

² 4 сентября 1928 г. Н. А. Пешкова сообщала М. А. Пешкову, что В. М. Ходасевич собирается в середине сентября уехать в Париж (Архив А.М. Горького. ФНП-рл-2-23-41). 18 сентября, по получении визы, В. М. Ходасевич выехала во Францию из Неаполя (см. письма Н. А. Пешковой М. А. Пешкову: сентябрь, до 17; 17-18 сентября; 19 сентября 1928 г. – Архив А. М. Горького. ФНП-рл-2-23-51, 52, 53).

10

24. VIII. <19>28 г.

Sorrento

Дорогая Ольга Ивановна
 спасибо за телефон, письмо и телеграмму. Если Радлов еще успеет добраться до Венеции и пробыть там хоть 2 дня, то мне придется туда поехать, чтобы с ним повидаться. Жду теперь известий от него.¹ Вам и Вашему мужу спасибо большое за хлопоты. У нас продолжается “весе-

ль”: третьего дня был день рождения Кай-Кай (Gallotti)² и мы устроили “festa”. Стол обеденный превратили в корабль, а Кай-Кай была капитаном. Из труб шел дым – горели Zampironi.³ Комары подошли во всем Sorrento от такого праздника. Сейчас здесь еще и Бенуа с женой.⁴ Пробудут до 15-го. Собираются на Капри. Может и я приеду, хотя не уверена, ибо устала от “веселости” и хочу отдохнуть перед отъездом домой. Муж пишет, что могу вернуться к октябрю. Когда Вы уезжаете с Капри? Когда Вас ждать здесь?

Крепко и нежно Вас целую много раз и Марию тоже.

Вашим всем сердечные приветы от нас всех.

Любящая Вас Валентина Ходасевич.

Еще раз СПАСИБО!!!

¹ В письмах Н. А. Пешковой М. А. Пешкову этого времени (из Сорренто) сведений о поездке В. М. Ходасевич в Венецию нет.

Слева направо: Максим Пешков, Надежда Пешкова и Валентина Ходасевич в маскарадных костюмах. Сорренто. 22.VIII.1928 г.

² Кай-Кай – домашнее прозвище Альберты Галлотти (после 1907-?), из знаменитой и многочисленной семьи барона Тристано Галлотти, впоследствии жена графа Этторе Сальватори. На вилле Галлотти в Позилиппо Горький жил с 20 ноября 1925 г. по 7 мая 1926 г. 22 августа 1928 г. Н. А. Пешкова писала М. А. Пешкову: “Сегодня день рождения Кай-Кай и я устраиваю маленький праздник” (Архив А. М. Горького. ФНП-рл-2-23-34). О жизни Горького на вилле Галлотти см. также *Lwow G. O' Russo 'e Pusilleco. Nell'intimità della vita e del pensiero di Massimo Gorki // Comoedia. 1926. № 4. P. 17-19.*

³ Средство от комаров (*um.*)

⁴ Николай Бенуа (1901-1988), живописец и театральный художник, заведующий художественно-постановочной частью миланского театра Ла Скала, сын А. Н. Бенуа, гостил в Сорренто с женой, Марией Николаевной Павловой, уже во второй раз с 22 августа по 17 сентября 1928 г. (А. М. Горький и М. И. Будберг. Переписка. С. 408). О своем пребывании у Горького см. воспоминания Н. А. Бенуа в издании: Горький и художники. М. 1964. С. 86-89. Подробнее об отношении Н. А. Бенуа с О. Синьорелли см. в преамбуле к его письмам в первом томе наст. издания.

11

Ленинград 18 сент<ября> 1935 г.

Ул. Халтурина, д. 9, кв. 2

Дорогая Ольга Ивановна,

получила Ваше письмо, которое до меня дошло не сразу, т. к. Вы написали мне по адресу старому – я уже лет 6, как живу по той же улице, но дом № 9.

Очень рада буду увидеть Вас, если Вы приедете.¹ К сожалению, никакого литературного съезда в ближайшее время не готовится, но будучи в Москве, Вы конечно сможете увидеться с многими писателями и попасть на ряд очередных докладов. Тимоша будет всю зиму в Москве и конечно Вам поможет, как можно больше увидеть, а я сделаю то же в Ленинграде. Тимошин адрес: Москва, Малая Никитская 6, тел. 317-09.

Трудно Вам посоветовать, когда лучше приехать. Погода и в октябре и в ноябре примерно одинаковая – осенняя, дождливая.

Я очень много работаю и живу интересно. Крепко вас целую. До скорого свидания.

Валентина Ходасевич

P.S. Адрес Лидина² не могла узнать.

¹ В середине 1930-х гг. Ольга Синьорелли собиралась посетить Москву, но поездка не состоялась.

² Писатель Владимир Германович Лидин (1894-1979) жил в Москве, по адресу: Малая Никитская, д. 8, кв. 6; был связан с Синьорелли деловыми и дружескими отношениями; его письма хранятся в FCFS (см.: ARI, VI. Т. I. P. 48).

ПИСЬМА Е. Ф. ШМУРЛО (1917-1921)

Публикация Р. Вассена и Э. Гаретто

Евгений Францевич Шмурло (1853-1934, Прага), историк, член-корреспондент Российской Академии наук, профессор Санкт-Петербургского и Дерптского университетов. С 1903 года занимал должность учебного корреспондента Академии наук в Риме при Ватиканском архиве. До 1924 года жил в Риме, продолжая обследовать архивы Италии, в первую очередь Архив Конгрегации пропаганды веры. Результаты его исследований вошли в ряд публикаций (“Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией”. Т. 1. Вып. 1. Л. 1925); “Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией” (Т. 1-4. СПб.-Л. 1907-1927), и “Римская курия на русском православном Востоке в 1609-1654” (Прага 1928).

В Риме Шмурло организовал в 1921 году Русскую академическую группу, был ее председателем до 1924 года. В 1923 году он жил в Германии и его “грустные условия жизни” побудили Ло Гатто субсидировать его деятельность – пригласить его в Рим на цикл конференций, организованной вместе с Umberto Zanotti Bianco в рамках деятельности Istituto per l’Europa Orientale.¹ Здесь он выступил с докладом “Москва-третий Рим”. Публиковался также в журнале “L’Europa Orientale”, издаваемым Институтом Восточной Европы. Его фундаментальный труд “История России. 862-1917” был переведен Андреа Каффи и опубликован при содействии Института.²

¹ См.: *Zanotti Bianco U. Carteggio 1919-1928*. Bari: Laterza, 1989. P. 406.

² *Smurlo E. Storia della Russia*. Roma: Anonima Romana Editoriale, 1928-1930. 3 tt. Издание на русском яз.: История России 862-1917. Мюнхен: Град Китеж, 1922. О переводе Каффи см.: *Zanotti Bianco U. Carteggio 1919-1928*. P. 405, 436. В письме 1923 г. Ло Гатто пишет Дзанотти Бианко, что он поручил Каффи переводить труд Шмурло. См. также письмо А. Каффи к Дзанотти Бианко от 25 августа 1923 г., где упоминается работа над переводом Шмурло (Там же. P. 436).

Осенью 1924 года Шмурло был избран председателем 3-го съезда русских академических организаций в Праге, куда он переехал в конце того же года. В Праге он был среди учредителей Русского Института общественных наук и сотрудничал с А. А. Кизеветтером и П. Н. Милюковым в Русском Зарубежном Историческом Архиве.³ Свою библиотеку ученого корреспондента Е. Ф. Шмурло передал на хранение в Институт Восточной Европы в Риме.⁴

Хотя неизвестны конкретные обстоятельства знакомства Шмурло с Ольгой Ресневич-Синьорелли, по всей вероятности оно состоялось в Риме в предвоенные годы. Из переписки мы узнаем также, что Синьорелли лечила его, и что между ним и супругами Синьорелли отношения были очень дружественными. Среди общих знакомых Шмурло и Синьорелли, которые могли быть посредниками их знакомства, можно упомянуть Джованни Папини. 4 июня 1917 года Ольга Синьорелли обратилась к итальянскому писателю и передала ему просьбу Шмурло написать краткую автобиографию.⁵

Публикуемые 5 писем хранятся в FSFC и печатаются по автографам. Письмо от 26 сентября 1921 г. было опубликовано Э. Гаретто в статье "Materiali sull'emigrazione russa dall'archivio di Olga Resnevic Signorelli" (Europa Orientalis. 1991. P. 405).

³ Более подробно о его деятельности см.: Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М. 1997. С. 718-719; Русские писатели эмиграции: Биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, церковной истории и православной культуре: 1921-1972 / Составитель Н. М. Зернов. Boston 1973; *Беляев С. А.* Евгений Шмурло в эмиграции (основные вехи жизни и творчества) // Россия и Италия. Вып. 5. М. 2003. С. 149-157. Личный архив Е. Ф. Шмурло поступил в Государственный Архив Российской Федерации в составе бывшего РЗИА и там хранится под № 5965.

⁴ После закрытия Института (1944) библиотека Шмурло была разделена между частным собранием Ло Гатто (ныне в Центральной национальной библиотеке в Риме) и библиотекой Римского университета.

⁵ Скорее всего, просьба Шмурло была связана с одним из издательских проектов по переводу Папини в России. Можно предположить, что именно на Шмурло ссылается Ольга Синьорелли в письме к Папини от 29 мая 1917 г., написанном после отъезда Папини из Рима: "<...> наш русский, который так ждал Вас, вчера очень расстроился получив Ваше письмо. Он написал Вам, но не отправил письмо. Ведь он надеялся встретиться с Вами. Он желает с Вами поговорить и хотел бы узнать, смогли ли бы Вы поехать в Ареццо. Он поедет в Перуджу в конце этой недели и заехал бы в Ареццо и Вас бы предупредил по телеграфу". Проект Шмурло о Папини не осуществился.

Е. Ф. Шмурло. 1920-е гг.

1

1. VI. <1>917

Искренноуважаемая Ольга Ивановна,

Вместе с Block-Notes присоединяю также и книгу Ciampoli, о которой я говорил Вам.¹ Может быть, Вы уже прочитали статью о революции в *Revue des deux Mondes*?² На нее есть желающие, и если она Вам не нужна, может быть, Вы вернете ее перед отъездом в Olevano?

А как я Вам завидую, что Вы поедете в Olevano! Как охотно съездил бы я туда на несколько дней, а Вы между тем не спускаете меня с кровати!..

С глубоким уважением, искренно преданный и благодарный Вам
Ев<гений> Шмурло

¹ Возможно, Шмурло ссылается на книгу Доменико Чамполи “Очерки по истории иностранной литературы” (*Ciampoli D. Saggi critici di letterature straniere*. Lanciano: Cagabba, 1904) или, еще более вероятно, на брошюру о русских религиозных сектах и их влиянии на мировосприятие Л. Н. Толстого (*Ciampoli D. La Russia mistica e il conte Tolstoi*. Roma: Stab. Tip. La Tribuna, 1898). Летом 1917 г. Ольга Синьорелли рассказала о работе Чамполи Джованни Папини, который тоже захотел ее прочесть (см. письмо Папини к Синьорелли от 19 сентября 1917 г. в кн. : ARI, VI. Т. 1. P. 193-194). После прочтения брошюры Чамполи, Папини написал статью “La missione russa” (“Русская миссия” / *Il Resto del Carlino*. 7 ottobre 1917. № 280. P. 2).

² См.: *Markovitch M.* Une semaine de révolution a Pétrograd // *Revue des Deux Mondes.* 15 Mai 1917. Vol. XXIX. P. 414–446.

2

18. 9. <19>17

Sorrento, Hotel Tramontano

Добрый друг Ольга Ивановна,

Я окончательно устроился в Sorrento, в Hotel Tramontano, в том самом депандансом,² которому служит Милютиновская Sirena. В Сирене мне дали комнату на вышке, очень неудобную, и взяли 10 фр<анков>, гораздо более чем платила Милютина.²

Здесь я плачу, правда, 12 л<ир> (и то с уступкой мне – заверяет хозяин), но хорошая комната и кормят гораздо лучшее, чем во Flora.

Приезжайте, если Вы, действительно, располагаете временем, с 22 сентября; сейчас здесь прямо обворожительно, я целые дни провожу у окна, любясь морем и освещением. Конечно, здесь будет лучше, чем в Olevano.³ Я очень доволен, что поехал прямо сюда, не заезжая ни в Tivoli, ни куда.

Сердечный привет, всего хорошего.

Душевно преданный

Ев<гений> Шмурло

¹ Депанданс – с французского слова dépendance, пристройка к гостиннице.

² Вероятно, речь идет о Прасковье Николаевной Милютиной, дочери одного из главных руководителей крестьянской реформы Николая Алексеевича Милютина (1818–1872). О встрече с ней в доме Юсуповых и о ее характере Ольга Синьорелли написала в своих воспоминаниях очерк (ARI, VI. Т. II. P. 223–226).

³ О. Синьорелли в Сорренто по всей вероятности не ездила, она провела большую часть сентября 1917 г. в Olevano Romano.

3

10. 8. <1>919

Forno di Pallanza

per Campello Monti alla Nigritella

Добрый друг Ольга Ивановна,

Так и не удалось мне повидаться с Вами в короткий приезд мой в Рим в начале июля: Вы были в S. Marinella, а я спешил – тоже к морю – в S. Margherita Lig<ure>, где вдосталь наслаждался и морем, и пейзажем.¹ Теперь на весь август, не менее, забрался в горы, в самую трудную, на высоту 1300 метр<ов>, где не только тело, но и душа отды-

хают от городского шума, пыли и сутолоки: мощные горы, богатая растительность, прелестные прогулки. Запасся книгами, привез мою машинку и работаю, никем и ничем необеспокоиваемый.

Буду очень рад весточке от Вас. Где-то Вы теперь? В своем Olevano Romano или в S. Marinella? В какой стадии развития Ваш перевод “Бесов” Достоевского?² Не только я, но и те из итальянцев, с которыми я говорил о нем, ждут с нетерпением появления в свет этой книги.

Большой поклон профессору.

Почтительно целую Вашу ручку.

Искренно преданный и уважающий

Евгений Шмурло

¹ Санта Маринелла – живописный морской городок провинции Рима, на Тирренском море. Санта Маргерита Лигуре – курорт на Лигурийском побережье.

² В 1918 г. Ольга Синьорелли начала переводить роман Достоевского для флорентийского издательства Валлекки. Джованни Папини активно участвовал в проекте, исправляя текст перевода и поддерживая связь с издателем. Однако, работа Папини над “Историей Христа”, которую он начал в августе 1919 г., скоро забрала все его силы, и он перестал заниматься “Бесами”. Перевод Синьорелли вышел только в 1928 г. в издательстве Кампителли (*Dostojevskij F. Gli ossessi. Romanzo. Traduzione dal russo di Olga Resnevic. Con prefazione e cenni biografici. Foligno: Campitelli, 1928*). Об этом см. предисловие к переписке Синьорелли и Папини: *Vassena R. L'epistolario di Giovanni Papini e Olga Signorelli // ARI, VI. T. 1. P. 129-148*.

4

18 фев<аля> <1921>¹
<Roma> 42, via Valadier

Надеюсь, добрый друг, Вы не причислили меня к категории мелких воришек, которые, пользуясь отсутствием в доме хозяев, похищают у них книги? Я все безуспешно надеялся застать Вас дома, а книга так была мне нужна! Простите ради Бога, за самоуправство, но меня уверили, что книгу Вы отложили и приготовили для меня.

Давно Вас не видал и едва ли раньше весны теперь смогу сделать попытку заехать повидаться: я ведь ушел теперь в новую работу² и, признаюсь, не хочу отврываться от нее.

Как Ваши “Бесы”?..

Желаю Вам с ними полного и скорого успеха.

Всегда Ваш Е. Шмурло

¹ Датируется по почтовому штемпелю.

² В это время ученый работал над своей “Историей России” (см. предисловие).

5

<26. 9. 1921>¹

Roma, Via Valadier, 42

Дорогой Друг!

Вы меня балуете своим вниманием, а я еще и на соррентский привет Вам не откликнулся! Целое лето безвыездно провел в Риме: сижу за своей книгой, оканчиваю ее, и провожу время со своими.

Никак не ожидал, что моя статейка в “L’Europa Orientale” встретит такое сочувствие.² Тем охотнее примусь за вторую, лишь только соберусь со свободным временем. Немножко обидно сознавать, что нашу Россию так мало знают в Италии...

Душевно рад за Вас что Вы опять в своем Olevano. Кланяйтесь ему от меня. Я всегда с удовольствием вспоминаю эти места.

Искренне Ваш Е. Шмурло

[приписка на полях]

Lo Gatto уже выходит из дома.

¹ Датируется по почтовому штемпелю.² Smurlo E. “La Russia in Asia e in Europa” // L’Europa Orientale. 1921. P. 169-232.

E. Šmurlo. Storia della Russia. Roma, Istituto per l'Europa Orientale, 1929

“Я ЖЕ ЗНАЮ, КАКОЙ ВЫ ДУХОВНЫЙ РЕЖИССЕР!”:
ПЕРЕПИСКА О. И. РЕСНЕВИЧ-СИНЬОРЕЛЛИ И Е. Д. ШОРА (1926-1973)

Публикация Д. Сегала и Н. Сегал (Рудник)

Переписка Ольги Ивановны Ресневич-Синьорелли (1883-1973), подруги великой Элеоноры Дузе, известной переводчицы произведений русской литературы и философии на итальянский язык с философом и историком религии и культуры Евсеем Давидовичем Шором (1891-1974) хранится в архиве семьи Шор в Институте рукописей Национальной и Университетской библиотеки Израиля в Иерусалиме. Их знакомство состоялось благодаря В. И. Иванову, который и ввел Шора в дом Синьорелли (очевидно, это произошло в 1925 году). Переписка эта охватывает большой период времени, с 1926 по 1972 годы, и если попытаться сформулировать ее основную тему, то обозначить ее можно как попытку понимания причин глубокого духовного кризиса, наступившего как следствие Первой мировой войны, и поиск путей выхода из него. С точки зрения идей Шора, великие образцы искусства могут и должны стать символом такого пути преодоления, и один из этих символов – личность и творчество Элеоноры Дузе и судьба театра вообще.

Настоящая публикация представляет собой практически полную переписку Шора с О. И. Ресневич-Синьорелли. Она в основном касается помощи, которую оказывал Шор Ольге Ивановне в ее работе над книгой воспоминаний о Дузе. Эта помощь была связана непосредственно с историей создания текста и, что очень существенно, с изданием немецкого перевода книги, на необходимости которого настаивал Шор, понимая, что Германия второй половины 1920-х – начала 1930-х годов все еще остается мировым центром философской и художественной мысли. Другая важная тема, отчасти затрагиваемая в письмах, – это творческая судьба театрального художника, создателя современного итальянского театра кукол Марии Синьорелли, дочери Ольги Ивановны. Шор сначала помогает организовать выставку работ Марии в Берлине и знакомит с ведущими немецкими сценографами и театральными критиками, а затем работает над книгой “Die tragische Kunst Maria Signorelli”.

Пути выхода из духовного кризиса, охватившего мир в первой трети XX века, – это в целом одна из основных тем философии, искусства, литературы и культуры этой эпохи. Над ней размышляли и мыслители, так или иначе связанные с движением русского символизма: В. Иванов, Ф. Степун, Н. Бердяев, Л. Шестов – друзья и корреспонденты Е. Д. Шора. Не в меньшей степени эта тема была важна для развития европейской философской мысли, для столь крупных немецких философов, как знаменитый феноменолог Э. Гуссерль, или социолог культуры Георг Зиммель, рассматривавший ее с позиций философии жизни. Их учеником и последователем становится живший с 1922 года в Германии Е. Д. Шор.

Будучи человеком, близким по своим взглядам к символистскому мировоззрению, Шор неоднократно подчеркивал насущную необходимость “катакомбной работы”,¹ способствующей синтезу достижений русской и западной философии. Огромное место в этой работе занимало изучение взаимопроникновения искусства, литературы, музыки, театра как наиболее действенных сил, влияющих на человека. Еще в 1914 году, перед началом Первой мировой войны Шор вместе со своим соратником по московской Бетховенской студии Г. А. Ангертом обращается к В. В. Кандинскому с предложением о русском переводе его книги “Über das Geistige in der Kunst” – “О духовном в искусстве”. Выходу этого перевода помешало начало войны. Однако и после ее окончания уверенность Шора в правильности избранного пути лишь крепнет: возможность преодоления кризиса Первой мировой войны и его последствий представляется ему связанной с синтезом культур, который должен привести к созданию универсальной духовной культуры, открывающей новые философские горизонты. Шор стремится всячески способствовать этому как своей научной и культурной деятельностью, так и личным активным участием.

Образование Шора и, конечно же, его человеческие качества как нельзя лучше подходили для избранной цели. Е. Д. Шор, сын известного московского пианиста Д. С. Шора, математик, философ, архитектор и музыкант, хорошо владеющий немецким и французским языками, человек очень большого личного обаяния, был одним из центральных деятелей Российской Академии Художественных Наук с момента ее основания в Москве в 1921 году. В 1922 году, вслед за В. В. Кандинским, под началом которого он работал в РАХН, Шор уезжает в Германию. Он легко входит в литературные и художественные круги Берли-

¹ См. цитату из стихотворения В. Брюсова “Грядущие гунны”: “А мы, / мудрецы и поэты, / Хранители тайны и веры, / Унесем зажженные светлы, / В катакомбы, в пустыни, в пещеры”.

на и Дрездена и становится завсегдатаем наиболее крупных тамошних салонов, например, салона итальянского посла в Германии Vittorio Certutti и его жены, Elisabeth de Paulay, в прошлом – известной венгерской драматической актрисы, высокообразованной женщины, известной меценатки, оставившей книгу мемуаров “Ambassador’s Wife” (London 1952), или салона графа Амедео Понцоне, знатока Данте, в то время итальянского консула в Дрездене. Узнав, что Ресневич-Синьорелли получила заказ от В. Мейерхольда и З. Райх написать на русском языке книгу о Дузе для издательства “Театральный Октябрь”,² Шор выступает с предложением сделать немецкий перевод книги и издать его в Германии одновременно с оригинальным текстом. Он полагает, что Ольга Ивановна, уже известная многим как автор прекрасных устных рассказов о Дузе³ и как человек, страстно любящая русскую культуру, может создать произведение культурно-философского плана, подобное работам о театре В. Иванова или Ф. Степуна. Во всяком случае, уже в первом письме к ней от 3 февраля 1926 года⁴ Шор говорит об издании немецкого перевода книги о Дузе как о решенном предприятии.

Будучи к этому времени знакомым с редакторами крупных культурно-философских издательств, Шор обращается к ним с предложением об издании книги О.И. Синьорелли (Otto Reichel Verlag Darmstadt; Sibyllen-Verlag, Dresden).⁵ Позднее, в 1932 году, он планирует издать книгу о Дузе у своего друга Рудольфа Рёсслера (1897- 1958), в 1929-1934 годах руководителя Немецкого Театрального Союза – “Der Deutsche Bühnenvolksbund”. Рёсслер, будучи редактором берлинского журнала “Das Nationaltheater” и главой издательства “Bühnenvolksbund-verlag”, весьма заинтересовался книгой Синьорелли и предлагает печатать фрагменты из нее для привлечения внимания публики к будущей книге. Добавим, что Рёсслер был человеком чрезвычайно близким по своим взглядам к Шору, так, одним из направлений его издательской

² Заказ был получен в 1925 г.

³ О них, например, вспоминает Emil Alphons Rheinhardt, посвятивший свою книгу о Дузе О. И. Ресневич-Синьорелли (*Rheinhardt E. A. Das Leben der Eleonora Duse. Berlin: S. Fischer Verlag, 1930*).

⁴ Письмо написано во время поездки с архитектором И. В. Жолтовским, предпринятой по инициативе Шора для сбора материалов для книги о виллах Палладио, см. об этом: *Сегал (Рудник) Н. М., Сегал Д. М. Переписка Е. Д. Шора и И. В. Жолтовского как документ пост-Серебряного века (в печати)*.

⁵ Издательство специализировалось на выпуске книг по истории искусства (R. Schott, E. von Sydow, O. Beyer), психологии, религии, философии и эзотерике (Т. К. Oesterreich, K. Hildebrandt); здесь публиковались поэт Paul Zech и Р. Музиль, печатались работы по истории театра.

деятельности стала популяризация русской религиозной философии и русского искусства: переводы Степуна, Бердяева и др.

Шор, предлагая О. И. Синьорелли выпускать книгу о Дузе в Германии, так или иначе хочет поставить ее в одном ряду с переводами трудов философии русского религиозного символизма. В письмах Шора и Синьорелли обсуждаются шоровские переводы статьи Бердяева “О духовном состоянии современного мира” и его книги “О назначении человека”. Они произвели на О. И. огромное впечатление, она собиралась послать их Муссолини, который очень интересовался Бердяевым, и написать рецензию для одного из итальянских журналов. Усиление тоталитарных и агрессивных тенденций в итальянской политике не дало осуществиться этим намерениям. В это же время сама О. И. работает над переводом “Переписки из двух углов” В. И. Иванова и М. О. Гершензона, вышедшем в 1932 году. Так что стремление Шора продолжить прерванный войной и Октябрьской революцией путь символистской традиции в Европе находит в лице Синьорелли подлинного духовного единомышленника.

“Духовное режиссерство”, “духовный режиссер” – вот слова, с которыми О. И. обращается к Шору. Она не только обсуждает с ним план работы, советуется где и как печатать книгу, но и в центре внимания оказываются столь важные в духовных практиках вопросы почерка Дузе, воспроизведения факсимиле ее писем, работа с киноматериалами и высказываниями Дузе о кино,⁶ современный вид дома, где она хотела сделать “Дом для актрис” – в этом доме совершенно случайно снимает квартиру Шор с женой, когда в 1934 году им как евреям приходится бежать из нацистской Германии.

Параллельно с интеллектуально и духовно богатой линией общения Е. Д. Шора и О. И. Ресневич-Синьорелли развивается общение Евсея Давидовича с Марией Синьорелли. Их переписка, хранящаяся в архиве Национальной библиотеки Израиля, свидетельствует о том, что Шор очень высоко оценивал искусство Марии как скульптора кукол на литературные и театральные темы. В его планах было написать об этом, как уже упоминалось выше, целую книгу. Прологом к ней стала его глубокая статья, помещенная в программе-каталоге выставки Марии в Берлине в 1932 году, в которой, в частности, Шор предрекал ей большое будущее. Его отъезд из Италии и начавшаяся война не позволили осуществиться этому плану. Мария продолжала делиться с Шором своими идеями и планами. Она всю жизнь помнила о высокой оценке, данной им ее творчеству. В 1972 году, собираясь посетить Из-

⁶ Имеется в виду фильм по роману Г. Деледды “Пепел”, где Дузе сыграла главную роль.

раиль, она написала ему, что его предсказания полностью осуществились именно сейчас, когда ее театр и ее первые куклы, которые фотографировала для каталога выставки 1932 года жена Евсея Давидовича, Надежда Рафаиловна, стали известны всему миру.

Масштаб личности Шора, глубина его понимания вопросов искусства, культуры, философии в связи с состоянием современного мира на грани новой мировой войны вызывают, в свою очередь, желание со стороны О. И. Ресневич-Синьорелли содействовать его начинаниям. Так, благодаря ей становится возможным издание перевода на итальянский язык книги Шора “*Deutschland auf dem Wege nach Damaskus*”.⁷ И хотя 31 октября 1934 года Шор уезжает из Италии в тогдашнюю Палестину, где и обосновывается постоянно, их переписка продолжается и после его отъезда. Материальные и духовные обстоятельства жизни как в Италии, так и в Палестине становятся все более трудными и жесткими. О. И. остро чувствует духовный вакуум, наступивший с отъездом Шора. Зная об обстановке растущего антисемитизма, в том числе и в Палестине, где вспыхивают погромы еврейского населения и начинаются ограничения въезда евреев, О. И., чтобы поддержать Шора, посылает ему переписанное ею от руки письмо великого вождя Рисорджименто Джузеппе Мадзини ливорнскому раввину и философу Элии Бенамозегу. Это письмо, отклик на книгу Бенамозега “*Israël et l’Humanité*” (“Израиль и человечество”), было напечатано в 1930 году в римском журнале “*Rassegna Mensile di Israel*”. В нем Мадзини излагает свои взгляды о сущности религии, откровении Бога и роли евреев в современности.

Переписка О. И. и Е. Д. оказывается прерванной в 1936 году печально известными событиями. Европейская деятельность Шора продолжается почти до самого начала Второй мировой войны. Так, например, он является корреспондентом и сотрудником вышеупомянутого итальянского журнала “*Rassegna Mensile di Israel*”. Только в 1946 году Шор, к тому времени уже больше десяти лет живущий в Палестине, получает известие о своих итальянских друзьях и родственниках от знаменитой актрисы театра “Габима” Ханы Ровиной, которая выступала в Риме перед солдатами Еврейской бригады в составе английской армии. Переписка с О. И. будет восстановлена. Из более поздних писем Шор узнает об осуществлении своего плана и большом успехе немецкого перевода 1939 года книги О. И. Синьорелли о Дузе (45000 экз. за три года) и об издании в 1952 году переписки самой Ольги Ивановны с

⁷ *Schor J.* *Deutschland auf dem Wege nach Damaskus*. Luzern: Vita nova, 1934; ит. перевод: *Schor Ives.* *La Germania sulla via di Damasco*. Traduzione italiana di Liliana Scalerò. Modena: Guanda, 1936.

Дузе в переводе на немецкий язык,⁸ а также об обстоятельствах послевоенной жизни в Риме Вяч. Иванова и его семьи. Через год после последнего письма в этой переписке уходит из жизни О. И. Ресневич-Синьорелли, а еще через год – и сам Е. Д. Шор. Падает занавес над драмой европейской символистской культуры.

Сохранившаяся переписка относится к 1926-1973 годам. Письма О. И. Ресневич-Синьорелли хранятся в архиве семьи Шор в Институте рукописей Национальной и Университетской библиотеки Израиля в Иерусалиме (НУБИ), здесь же хранятся вторые экземпляры его писем к ней. Подлинники писем Е. Д. Шора (автографы и первые машинописные экземпляры) находятся в FSFC, папка “E. Schor”. Во избежании путаницы, к какому архиву принадлежит тот или иной документ, в первых сносках к каждому письму указано место его хранения. Поскольку под письмами стоит подпись “Ольга Ресневич-Синьорелли” (или “Ольга Ресневич”, или “Ольга Синьорелли”), и двойная подпись значится на книге о Дузе, при указании имени адресата/адресанта мы указываем ее фамилию полностью.

Е. Д. Шор. 1950-е – 1960-е гг.

⁸ *Resnevic-Signorelli O.* Eleonora Duse. Leben und Leiden der großen Schauspielerin. Berlin: Deutsche Verlag, 1939 (книга неоднократно переиздавалась); *Resnevic-Signorelli O.* Eleonora Duse. Briefe. (dt. Übersetzung von Gertrude de Ressãoquier). Bertelsmann, Gütersloh, 1952.

1

Е. Д. Шор – О. И. Ресневич-Синьорелли¹

3 февраля 1926 года
Ospedaletti

В широко открытое окно бьет яркое солнце. Дымчатые облака уползают в горы. С моря доносится мерный шум прибоя. Это Ospedaletti, весенняя сказка после миланской зимы.² – Дорога Рим – Милан, 4 дня на автомобиле, – была очень интересна; вдоль моря, по горам, по пустынным мареммам,³ среди рощ кипарисов и пиний. В Sestri Levante⁴ – почти летняя жара, в Генуе – талый снег; снег на лигурийских Аппенинах, сугробная снежная пелена – в Ломбардии. В Милане ждало меня письмо от Фед<ора> Авг<устовича> Степуна; к сожалению, все бывшие у него экземпляры его книги “О театре” давно расхвачены и зачитаны, последний оставшийся у него экземпляр находится у переводчика (для издания на немец<ком> яз<ыке>); попытки найти книгу на книжном рынке закончились неудачей, т. к. книга распродана.⁵ Однако он не теряет надежду найти ее у кого-нибудь из своих друзей и Вам прислать. Со своей стороны я из Милана обратился к нескольким друзьям с подобной же просьбой и надеюсь, ч<то> в течение 1-2 недель книга будет у Вас.

От своего фрейбургского друга получил известие, что рождественские каникулы не пропали даром. Он виделся в Badenweiler'e – одном из наиболее модных зимних курортов Германии (дорогом для нас, потому что там могила Чехова)⁶ – с издателем, заинтересовавшимся Вашими воспоминаниями и письмами Э. Дузе, который просил Вас сообщить следующие сведения: 1) приблизительное количество печатных листов, которое займут воспоминания и письма; 2) какой период (периоды) жизни Э. Дузе захватывают эти письма; 3) были ли какие-либо из этих писем опубликованы ранее или все публикуются впервые; 4) не считаете ли Вы желательным для полноты книги внести в нее и тот материал, что, быть может, был уже раньше где-либо опубликован; 5) считаете ли Вы желательным опубликование всех находящихся в Вашем распоряжении писем или по каким-либо соображениям (личного, интимного свойства) часть оставите без опубликования; 6) какой неизданный до сих пор репродуктивный материал находится в Вашем распоряжении (фотографии и т.п.); 7) материальные условия он предложит, когда будет иметь ответ на эти вопросы, но полагает, что наиболее удобная форма гонорара был бы определенный процент с цены книги (так что чем больше расходуется книга, тем больше придется на Вашу долю).

Между 8-10 февралем мой фрейбургский друг будет видеться с этим издателем; поэтому прошу Вас ответить мне на эти вопросы по возможности скорее, чтобы я, в свою очередь, сообщил эти сведения во Фрейбург.

Заканчивая свое письмо, приношу Вам, глубокоуважаемая Ольга Ивановна, сердечную благодарность за оказанный мне в Риме теплый прием; очень сожалею, что в этот приезд мне так редко пришлось видеться с Вами и надеюсь, что в будущем я снова получу возможность беседовать с Вами в Вашем уютном и далеком от жизненной суеты кабинете. Ваши рассказы о Дузе и Ваших итальянских друзьях до сих пор остаются живы в моей памяти.

Прошу передать мой искренний привет Вашему супругу.

С искренним уважением Е. Шор.

Ospedaletti (Riviera di ponente) - Hotel Pension "Riviera" (№ 34)

E. Chor (E. Schor)

¹ FSFC (папка "E. Shor").

² Ospedaletti расположен на западном лигурийском побережье, недалеко от Сан-ремо.

³ От ит. *maremma* – "заболоченный морской берег".

⁴ На восточной части Лигурии.

⁵ Ф. А. Степун (1884-1965) – близкий друг Е. Д. Шора и всего большого семейства Шор, см. об этом: *Сегал Д., Сегал Н.* Начало эмиграции: переписка Е. Д. Шора с Ф. А. Степуном и Вячеславом Ивановым // Вячеслав Иванов и его время. Материалы VII Международного симпозиума. Вена 1998. Frankfurt am Main. Berlin. Bern. Bruxelles. New York. Oxford. Wien: Peter Lang, 2003. P. 457-545. Речь идет о книге Ф. А. Степуна "Основные проблемы театра", написанной им ещё в России и вышедшей в 1923 г. в Берлине, в книгоиздательстве Слово. В 1932 г. вышел немецкий перевод книги под заглавием "Theater und Kino" (Berlin: Bühnenvolksbundverlag). См. переписку Ф. А. Степуна с Ольгой Синьорелли в наст. томе.

⁶ Чехов умер в Баденвейлере, похоронен в Москве.

2

Е. Д. Шор – О. И. Ресневич-Синьорелли¹

7 февраля 1926 года

Ospedaletti

Многоуважаемая Ольга Ивановна,

Обращаюсь к Вам с большой просьбой. Решаюсь беспокоить Вас, зная, что Вы, в доброту своей, не посетуете на меня за это. Дело идет о визе (итальянской, конечно) для друга семьи Степуна, Александры Клавдиевны Томилиной,² 25 лет, живущей вот уже три года во Фрей-

бурге, и занимающейся историей искусства во Фрейбургском университете. Давно уже мечтала она побывать в Италии и воочию увидеть изучаемое ею искусство; теперь же новое обстоятельство заставляет ее стремиться в Италию: зимою она перенесла воспаление печени и желчного пузыря, сейчас еще заканчивает последние дни пребывания в клинике, чувствует себя очень слабой и, естественно, нуждается в мягком итальянской климате для восстановления своих сил. Человек она со всех точек зрения совершенно благонадежный, к политике никогда никакого отношения не имела, и мечтает только о море, солнце и искусстве. Возможность провести весну и лето в Италии будет для нее, действительно, благодеянием, т. к. сырая весна Германии губительно действует на слабое здоровье. На отдельном листке я прилагаю для удобства подробные сведения, которые могут понадобиться при получении визы.

Перехожу к другому вопросу. Сегодня получил из Фрейбурга от своего друга известие, что вокруг “Писем Дузе” и “Воспоминаний о Дузе” начинает вырастать соревнование, которое может быть очень полезным для успеха дела.³ Сейчас заинтересовалось Вашей работой одно из самых модных (и серьезных) немецких издательств (Sibyllen-Verlag), которое весной этого года выпускает между другими изданиями Мемуары одной артистки гетевской эпохи.⁴ Впредь до выяснения вопроса и заключения договора с Вами Sibyllen-Verlag просило держать переговоры в тайне, так как неуспех переговоров (если Вы предпочтете другое издательство) будет для него бламажем.⁵ Sibyllen-Verlag, естественно, задало ряд вопросов, аналогичных тем, что я Вам уже сообщил (они исходили от издателя Reichel’я, у кот<орого>, между прочим, выходит на нем<ецком> яз<ыке> книга Степуна – Жизнь и Творчество).⁶ Было бы очень хорошо без замедления дать эти сведения, для того чт<обы> ковать железо, пока горячо.

Ospedaletti – райский уголок. За это время я успел посмотреть близлежащие курорты (S. Remo, Bordighera) и лучше Ospedaletti не нашел. Главное, нет здесь курортного духа. Много тишины и уединенности. Хорошо ли теперь в Риме? Долго ли еще Вы остаетесь в Италии или скоро уже направитесь в Родос.⁷ Море сейчас, даже в Ospedalett’ийской бухте, взволнованное и бурное. Не лучше ли для путешествия подождать тихих дней?

Прошу передать мой сердечный привет Вашему супругу.

С искренним уважением, Е. Шор.

P.S. Если мою просьбу окажется Вам неудобно или невозможно исполнить, то прошу Вас без всякого стеснения мне об этом сообщить.

Ospedaletti. Riviera Ponente

Hôtel “Riviera” (39). E. Chor (Scior).

P.P.S. Надо ли одновременно с хлопотами в Риме возбуждать ходатайство о визе перед Итальянским Консулом в Mannheim'е или достаточно будет распоряжения Министерства Иностранных дел, посланного в Mannheim Итальянскому Консулу?

Если Вам окажется возможным принять какие-либо меры к получению визы для А. К. Томилиной, то прошу Вас в случае понадобятся <так!> какие-нибудь дополнительные сведения – действовать телеграфно. Само собой разумеется, что все связанные с этим расходы будут немедленно и с сердечной признательностью возвращены. И самое разрешение прошу сообщить итальянскому консулу в Mannheim'е тоже по телеграфу.

Еще раз всего лучшего. Е. Ш.

Справка

Томилина Tomilin
Александра Alexandra
Клавдиевна
Род. 29. X. 1900

Отец: Клавдий Николаевич Томилин; ранее – Директор Банка; в настоящее время живет в Москве (Пречистенский бул. 15, кв.3), служит в Комиссариате Внешней Торговли.

Мать: Анна Ивановна Чоткина [?] (умерла в 1907 г.)

Заграничный паспорт А. Томилиной выдан Народным Комиссариатом Иностранных дел, 15 авг. 1922 года, и продолжен Полномочным Представительством С.С.С.Р. до октября 1926 года.

Виза желательна на 6 месяцев – с 15-го февраля по 15 августа 1926, а если возможно, то на 1 год или без срока.

Разрешение на въезд и проживание в Италии (т.е. визу) следует направить итальянскому консулу в Mannheim'е.

Адрес А. Томилиной: - А. Tomilin – Freiburg in Br. Bayernstr. 6. bei Fr. Dr. A. Lenel.

¹ FSFC (папка “E. Shor”).

² Александра Клавдиевна Томилина (1900-1987, Лозанна, похоронена в Париже на клад. Иври-сюр-Сен), дочь акционера Московско-Рязанской железной дороги, управляющего товариществом банков “Волков и сыновья”, вторая жена художника М. Ларионова, официальная наследница художника. По ее завещанию огромный ценнейший архив Ларионова-Гончаровой в 1989 г. был подарен СССР (Третьяковской галерее и Русскому музею). Участвовала в деятельности Общества “Икона” в Париже, созданного В. П. Рябушинским в 1927 г.

³ Так, например, в том же 1926 г. вышла книга: *Schneider E. Eleonora Duse Erinnerungen (Betrachtungen und Briefe)*. Leipzig: Insel.

⁴ Об издательстве Sibyllen-Verlag см. примеч. 5 к преамбуле. Книга, о которой идет речь, – это воспоминания Каролины Ягеманн (1777-1848): *Die Erinnerungen der Karoline Jagemann, nebst Zahlreichen unverhoffentlichten Dokumenten aus der Goethezeit...* Hgb. Von Prof. Dr. Eduard v. Bamberg. Dresden: Sibyllen-Verlag, 1926.

⁵ Бламаж – от нем. die Blamage – позор, срам, провал, неловкое положение.

⁶ Как можно предположить, скорее всего, издание перевода на немецкий язык книги Ф. А. Степуна “Жизнь и творчество” (Берлин: Обелиск, 1923) планировалось в издательстве Otto Reichel Verlag (Darmstadt), специализировавшемся на издании философской литературы. Перевод не был осуществлен.

⁷ С середины февраля до середины июля 1926 г. О. И. Синьорелли находится на Родосе в гостях у друзей ее мужа Марио Лаго, губернатора Додеканесских островов, и его супруги Оттавии (см. примеч. 4 к письму от 31 декабря 1932 г.).

3

Е. Д. Шор – О. И. Ресневич-Синьорелли¹

18 февраля 1926 года

Ospedaletti

Многоуважаемая Ольга Ивановна,

Римский климат очень дурно действует на корреспонденцию. Из Рима я писал лишь самые неотложные письма, отложив все лирические письма до Ривьеры. Теперь я нахожусь в зените переписки, но мои римские друзья забывают меня. Боюсь, не пропадают ли мои письма. Я писал Вам 3-го, 8-го и 11-го февраля (11-го письмо с книгой Степуна) и до сих пор не получил ответа. Надеюсь, ч<то> своей просьбой о визе я не испугал Вас;² ведь я это сделал с полной уверенностью, ч<то> в случае неудобства для Вас исполнить ее, Вы просто сообщите мне об этом. Но главная тема нашей, пока односторонней, переписки – издание “Воспоминаний” и “Писем” – не должна страдать. Я получил сегодня конкретное предложение на издание Вашей книги в Германии – должен ли я дальше вести переговоры или сообщить, ч<то> у Вас в виду иные планы, и переговоры прекратить? Фед<ор> Авг<устович> Степун, которому я передал наши римские беседы, очень заинтересован Вашей книгой и будет писать о ней, лишь только она выйдет в свет. Вместе с ним весь Дрезденский художественный и театральный мир ждет ее появления. 2 самые большие газеты Германии – *Frankfurter Zeitung* и *Vossische Zeitung* – обещали к выходу книги посвятить Дузе большие статьи (вернее, предоставить место на своих страницах тем статьям, что будут нами переданы им). Мне не хотелось бы продолжать дальше действовать в этом же направлении до тех пор, пока Вы не подтвердите, ч<то> Ваше желание видеть Вашу книгу изданной в Германии не исчезло.

Очень обеспокоен я молчанием Вячес<слава> Ивановича. Ни письма, ни рукописи статей о Достоевском, законченной ко времени моего отъезда, не шлет. Уж не болен ли он?³

Сердечный привет прошу передать Вашему супругу.

С искренним уважением, Е. Шор.

E. Chor – Ospedaletti Ligure – Villa Paradiso

¹ FSFC (папка “E. Shor”).

² См. предыдущее письмо.

³ Речь идет о работе над переводом на немецкий язык серии статей Вяч. Иванова о Достоевском. Идея этой работы, в которой Е. Д. Шор принимал самое деятельное участие, принадлежала Ф. А. Степуно, см. об этом: : *Сегал Д., Сегал Н.* Начало эмиграции: переписка Е.Д. Шора с Ф. А. Степуном и Вячеславом Ивановым. С. 507, 511, 533-545; *Сегал Д., Сегал Н.* “Ну, а по существу я Ваш неоплатный должник”. Фрагменты переписки В. И. Иванова с Е. Д. Шором // Символ № 53-54: Вячеслав Иванов: Несобранное и неизданное. Париж-Москва 2008. С. 338-403.

4

Е. Д. Шор – О. И. Ресневич-Синьорелли¹

<5 апреля 1926 года>²

Ospedaletti

Многоуважаемая Ольга Ивановна,

Ваша открытка была для меня большим облегчением – я огорчился, думая, <что> Вы не хотели мне писать. Надеюсь, <что> Ваши волнения не причинили Вам огорчений; что Вы отдохнете от Римской жизни в Родосе, в природе, тишине и работе.³

Пишу лишь несколько слов, чтобы горячо поблагодарить Вас за исполнение моей просьбы и сообщить адрес Степуна (до 1 мая – Grasse (Н.М.) Villa Belvédère – France; с 1 мая – Pr. Dr. Stepun. Dresden-IV, Schillerstrasse 26); его зовут – Федор Августович.

Лишь несколько слов, потому что не уверен, правильно ли разобрал адрес. Жду с нетерпением письма из Родоса – только, если писание писем не нарушит Ваш отдых. Зная причины молчания, можно терпеливо ждать. Не зная их, предаешься мрачным мыслям.

С сердечным уважением. Преданный Вам Е. Шор

¹ FSFC (папка “E. Shor”).

² Открытка. Датируется по почтовому штемпелю.

³ Подробно о своих впечатлениях от поездки на Родос, Патмос и другие острова Эгейского моря см. в письме Синьорелли к Нине Берберовой от 29 апреля 1926 г. в первом томе наст. издания.

5

Е. Д. Шор – О. И. Ресневич-Синьорелли¹

12 августа 1926 г.

Nice (A<Ips> M<aritimes>)

Многоуважаемая Ольга Ивановна,

Уезжая из Фрейбурга, я распорядился, чтобы Вам послали “Письма прапорщика” Степуна,² кот<орые> я получил из Берлина в день отъезда. Теперь – за исключением романа, кот<орый> печатался в “Современных Записках”,³ у Вас будет все, что вышло в свет из произведений Степуна. Не зная, где Вы теперь, пишу в Рим. Буду сердечно рад получить от Вас весточку с адресом – тогда напишу подробнее.

Поклон Вашему супругу. С искренним уважением Е. Шор

¹ FSFC (папка “E. Shor”).

² Эпистолярный роман Ф. А. Степуна “Из записок прапорщика-артиллериста” (под псевдонимом Н. Лугин; написан по настоянию М. О. Гершензона) был впервые напечатан еще в Москве в 1918 г., в 1925 г. вышел вторым изданием в Праге.

³ Имеется в виду роман Ф. А. Степуна “Николай Переслегин”, напечатанный в 1923-1925 г.г. в журнале “Современные записки”.

6

Е. Д. Шор – О. И. Ресневич-Синьорелли¹

5 октября 1930 года

<Фрейбург>

Многоуважаемая Ольга Ивановна,

Сердечно благодарю Вас за карточку с Капри и за память обо мне. Ваши рассказы о Элеоноре Дузе оставили неизгладимое впечатление; не раз вспоминал я наши беседы и все ждал появления писем ее, собранных Вами с такой любовью.

На Ваш вопрос о том, какую школу следует предпочесть (Мюнхен или Берлин) я не решаюсь <дать> немедленного ответа, т.к. ни ту, ни другую школу непосредственно не знаю.² Но я обратился к одному видному берлинскому архитектору, специалисту по театрално-декорационному искусству, с просьбой дать совет в этом деле. Лишь только я получу его ответ, немедленно передам его Вам. Думаю, что имя Преториуса³ может иметь решающее значение, если только он не слишком занят своей творческой работой. Буду очень рад получить рецензии о Вашей дочери.

Шлю Вам, многоуважаемая Ольга Ивановна, самый сердечный привет. Ваш Е. Шор

¹ FSFC (папка “E. Shor”). Открытка. Машинопись.

² Речь идет о просьбе Синьорелли посоветовать школу живописно-декорационного искусства в Германии, в которой могла бы учиться ее дочь Мария. Об этом Синьорелли писала О. Шор 16 августа 1930 г. В ответном письме от 25 августа 1930 г. О. Шор сообщила, что брат “разыскал все нужные адреса и обратился не только в Мюнхен, но и в Берлин (к знаменитому Рейнхардту) и через 2-3 дня надеется получить все нужные материалы” (см. в первом томе наст. издания). Мария поехала в Германию через год – и эти переговоры возобновились (см. ниже).

³ Очевидно, речь идет об Эмиле Преториусе (Emil Preetorius, 1883-1973) – известном немецком графике, книжном иллюстраторе, театральном художнике и одном из самых значительных сценографов первой половины XX века. Основатель (вместе с художником П. Реннером) Школы иллюстрации и книжного дела в Мюнхене (1909), с 1926 г. руководил отделением иллюстрации и отделением сценографии в Мюнхенской Высшей школе изобразительных искусств, профессором которой являлся (с 1928 г.). С 1923 г. работал для ведущего мюнхенского театра – “Die Münchner Kammerspiele”, с 1932 г. – сценический руководитель оперного фестиваля в Байрейте. Был близок с кругом Томаса Манна, иллюстрировал ряд его произведений. В 1943 г. был награжден медалью Гете за развитие искусства и науки. После войны – член Сената Баварии, Президент Баварской Академии изобразительных искусств.

7

О. И. Ресневич-Синьорелли – Е. Д. Шору¹

15 октября 1931 года

Рим, Via XX Settembre 68

Уважаемый Г-н Шор,

приблизительно год тому назад вы были так любезны писать мне, что в случае, если моя дочь² снова поедет в Берлин, Вы могли бы дать ей адрес одного Вашего друга, который мог бы быть ей полезным своим советом.

Моя дочь Мария теперь в Берлине с 1-го октября и занимается усердно, чтобы усвоить немецкий язык, которым уже немного владеет, и присматривается, где бы ей следовало поучиться.

Как Вы знаете, она сделала выставку своих вещей в Париже с очень большим успехом и очень хорошими рецензиями³ и намеревается выставить их и в Берлине, когда найдется возможность и помещение.⁴

Кроме вещей, выставленных в Париже, у нее есть приблизительно 40 новых вещей: т. е. все фигуры “Сверчка” Диккенса, “На большой дороге” Чехова и “Антигоны” Софокла.

Была бы очень признательна, если бы Вы написали Вашему другу, чтобы он написал Марии, где и как она может с ним познакомиться.⁵

Ее адрес: Maria Signorelli, Pension Schmolke, Nürnbergerstrasse 65. Berlin W. 50.

Я взялась за работу о Дузе и надеюсь работать усердно за зимние месяцы. Надеюсь, что удастся увидеться при моей поездке в Германию после Рождества.

Шлю Вам пожелания всего наилучшего и крепко жму руку.

Ольга Синьорелли.

¹ НУБИ, Агс. 4^о 1521, ед. хр. 21.

² Имеется в виду Мария Синьорелли (Maria Signorelli, 1908-1992) – старшая дочь О. Синьорелли, в будущем известный художник и дизайнер, основатель современного итальянского кукольного театра. К моменту написания этого письма М. Синьорелли закончила Академию живописи в Риме, работала для римского Оперного театра под руководством Н. А. Бенуа. Впервые ее куклы – “фигурины” – были выставлены в 1929 г. в Casa d’Arte Bragaglia в Риме.

³ Выставка работ М. Синьорелли “Fantocci” состоялась в Париже в Galerie Zak, place Saint-Germain-des Près (19-22 мая 1930 г.) и была организована по инициативе Джорджо де Кирико, написавшего также текст программы выставки. О рецензиях на выставку см. “Тройную переписку” О. Шор и Иванова с Синьорелли в первом томе наст. издания (примеч. 2 к письму № 29).

⁴ Е. Д. Шор станет организатором этой выставки работ Марии в Берлине.

⁵ См. следующее письмо.

Приглашение на выставку Марии Синьорелли.
Casa d’Arte Bragaglia. Рим. 1929 г.

8

Е. Д. Шор – О. И. Ресневич-Синьорелли¹

19 октября 1931 года

Freiburg i<n> B<reisgau>

Многоуважаемая Ольга Ивановна,

очень рад был получить Ваше письмо. Сегодня же написал своему другу, архитектору и историку искусства, Dr. Paul Zucker,² чтобы он написал Вашей дочери и оказал ей всяческое содействие в осуществлении ее планов и намерений. Рассказы Ольги Александровны³ о даровании и искусстве Вашей дочери необычайно заинтересовали меня, и я был бы очень рад узнать подробнее о ее последних произведениях. Ваше сообщение о том, что Вы собираетесь в Германию, очень обрадовало меня. Я надеюсь, что у Вас будет время остановиться на день-два во Фрейбурге. Тогда мы сумеем продолжить наши римские беседы, которые остаются живыми в моей памяти. Во всяком случае, прошу Вас заранее сообщить мне о Вашей поездке в Германию, для того чтобы могла осуществиться наша встреча. Вы пишете о работе о Дузе: я давно уж с нетерпением ожидаю ее. Кому же, как не Вам, писать об этой замечательной артистке? Между прочим, недавно в одном старом журнале я нашел небольшую статью о Дузе, принадлежащую перу одного из самых тонких немецких мыслителей, Георгу Зиммелю, о котором я готовлю сейчас большую монографию.⁴ Если Вам эта статья была бы интересна, я с удовольствием пришлю ее Вам. Вы ведь, конечно, владеете немецким языком? В противном случае я переведу ее Вам на русский язык.

С сердечным приветом и искренним уважением.

Ваш Е. Шор.

¹ FSFC (папка “E. Shor”); машинописная копия – НУБИ, Arc. 4° 1521, ед. хр. 21.

² Пауль Цукер (Paul Zucker, 1888-1971) – до Второй мировой войны один из наиболее известных и модных немецких архитекторов еврейского происхождения, автор проектов вилл, загородных домов, магазинов и банков в Берлине (на сегодняшний день сохранились лишь шесть вилл в районе Груневальд и восстановлено здание банка на Таубенштрассе с характерным фасадом в стиле раннего модернизма). Пауль Цукер был известен также как талантливый журналист и публицист, автор радиопередач и тонкий знаток истории искусств, архитектуры и театра, доцент и декан факультета в Lessing Hochschule. В 1937 г. эмигрировал в США, где стал в Нью-Йорке доцентом института социальных исследований (New School of Social Research) и школы искусств и архитектуры (Cooper Union). Его теоретические труды по архитектуре и эстетике имеют непреходящее значение по сегодняшний день (см. о нем: *Schüchle W. & Szymanski N. Der vergessene Architekt.* Berlin 2005). Е. Д. Шор был хорошо знаком с П. Цукером, состоял с ним в переписке, которая продолжалась и после Второй Мировой войны (НУБИ,

архив Д. С. и Е. Д. Шор, опись Arc. 4° 1521, ед. хр. 365). 19 октября 1931 г. он пишет Цукеру письмо – рекомендацию М. Синьорелли (там же).

³ Имеется в виду Ольга Александровна Шор (см. “Тройную переписку” О. Шор и Иванова с Синьорелли в первом томе наст. издания)

⁴ Е. Д. Шор работает в это время над докторской диссертацией о философии творчества Г. Зиммеля под руководством И. Кона во Фрейбургском университете. План издания монографии о Зиммеле, к сожалению, не смог осуществиться из-за необходимости покинуть нацистскую Германию в 1934 г. О какой именно статье Зиммеля идет речь, нам установить не удалось. Зиммель неоднократно обращается к личности Дузе (см., например, *Simmel G. Zur Philosophie des Schauspielers // Der Morgen. Wochenschrift für deutsche Kultur, begründet und hrsg. von Werner Sombart, zusammen mit Richard Strauss, Georg Brandes und Richard Muther unter Mitwirkung von Hugo von Hofmannsthal, 2. Jg., No. 51/52 vom 18. Dezember 1908. S. 1685-1689. Berlin*). Как позднее выяснится, Шор составит для О. Синьорелли целый ряд выписок о Дузе из работ Зиммеля (см. письмо от 2 декабря 1931 г.).

9

О. И. Ресневич-Синьорелли – Е. Д. Шору¹

27 октября 1931 года

Рим, Via XX Settembre 68

Уважаемый Евсей Давидович,

очень Вам благодарна за любезное письмо и за память о наших беседах, которые живут в моей памяти, как будто это было вчера.

Поеду я в Германию или в январе, или в марте, но заранее, конечно, Вам напишу.

Ваш друг уже звонил моей дочери Марии и увидит ее на этой неделе. Я должна послать Марии фотографии ее вещей (хотя без красок можно иметь совсем ложное впечатление) и pošлю Вам некоторые из них, и Вы посмотрите и перешлете ей. Но краска в этих вещах все. Она употребляет материю, так как та дает ей нужный оттенок краски. Она не выкрашивает лица и не скрывает швов, но передает ими выражение лица, и употребляет одновременно самые разнообразные материи: шелк и тюль рядом с веревкой и т.д. Очень Вам благодарна за статью Зиммеля и буду ждать ее с нетерпением. Я свободно читаю по-немецки. Если Вы мне pošлете ее сейчас же, я ее получу до отъезда, так как в середине следующей недели поеду в Лигурию. Если не сможете выслать до воскресения, тогда подождите мой адрес в Лигурии, чтобы статья не потерялась пересылками. Жму крепко Вашу руку.

Ольга Ресневич-Синьорелли

¹ НУБИ, Arc. 4° 1521, ед. хр. 21.

10

Е. Д. Шор – О. И. Ресневич-Синьорелли¹

10 ноября 1931 года

<Фрейбург>

Многоуважаемая Ольга Ивановна,

Сердечно благодарен Вам за Ваше любезное письмо. Мне очень интересно было услышать более подробные сведения об искусстве Вашей дочери. Мой друг, доктор Цукер,² писал мне, что он виделся с Марией Анжеловной (простите за руссизм), направил ее к нескольким берлинским режиссерам. М.А. произвела на него самое прекрасное впечатление, и он еще раз подтвердил мне, что и в дальнейшем готов всем, чем может, содействовать ее работе и успеху. Впрочем, Вы, верно, уже получили от Марии Анжеловны подробное описание ее берлинских впечатлений и встреч.

Статью о Дузе вышлю Вам, лишь только получу обещанный Вами адрес в Лигурии.

С сердечным приветом и искренним уважением Е. Шор

¹ FSFC (папка "E. Shor"). Открытка.² См. примеч. 2 к письму от 19 октября 1931 г.

11

О. И. Ресневич-Синьорелли – Е. Д. Шору¹

24 ноября 1931 года

S. Margherita Ligure, Hôtel Regina Elena

Дорогой Евсей Давидович,

Вот я здесь, с воскресенья, и буду очень рада получить обещанную статью Зиммеля. Пишите мне: Olga Resnevic, Albergo Regina Elena, S. Margherita Ligure (Genova).

Из Рима накануне моего отъезда выслала Вам несколько снимков с вещей своей дочери, но они все в красках, и, совершенно не зная красок, трудно иметь и малейшее понятие.

Моя дочь переменила квартиру. Она теперь Ludwigkirchstraße 10 bei Fr. Dr. Gutman – Berlin W. 15.

Я буду в Германии в конце января или в начале февраля и непременно Вас заранее извещу.

Жму крепко Вашу руку. Ольга Ресневич-Синьорелли.

¹ НУБИ, Арс. 4° 1521, ед. хр. 21.

12

О. И. Ресневич-Синьорелли – Е. Д. Шору¹

<без даты>
Berlin – Halensee
Kufürstendamm 93
Bei Fr. Lenel

Дорогой Евсей Давидович,

Я в Берлине и пробуду тут еще несколько дней. Потеряла Ваш берлинский адрес и звонила Dr. Zucker'у, надеясь, что он его будет знать, но, к сожалению, и он его не знает. Пишу Вам в надежде, что это письмо Вам будет переслано вскоре. Dr. Zucker будет у меня в субботу 6-го февраля часов в пять, и если Вы получите мое письмо, надеюсь увидеть и Вас, и Вашу супругу.

Наш телефон Pfalzburg 8436.

Жму крепко Вашу руку Ольга Ресневич Синьорелли

¹ НУБИ, Arc. 4° 1521, ед. хр. 21

13

Е. Д. Шор – О. И. Ресневич-Синьорелли¹

2 декабря 1931 года
Фрейбург в Б<рейсгау>

Дорогая Ольга Ивановна,

сердечно благодарю Вас за Ваше любезное письмо и за присылку снимков с произведений Вашей дочери. Несмотря на то, что – как Вы утверждаете, – снимки эти почти не передают впечатления подлинных произведений, они все же производят прямо потрясающее впечатление. Не только на меня и мою жену,² которые были подготовлены уже отзывом Ольги Александровны, но и на всех моих здешних академических друзей, которым я показывал эти снимки, производят они впечатление почти жуткое. Прямо поверить трудно, чтобы Ваша дочь, молоденькая девушка, могла до такой степени проникнуться жизненным трагизмом. Я не говорю уже о меткости пластической характеристики, об убедительном и в то же время фантастическом употреблении материала, об удивительном чутье стиля. Страшно заинтересовала нас – не только работа Вашей дочери, но она сама: с каких пор проявляется уже ее дарование? каков ее внутренний мир, дающий ей такую жизненную и художественную зрелость? Все это вопросы, на которые ответить можно лишь при личном свидании. Мы очень надеемся, что Вы не проедете мимо Фрейбурга, не остановившись здесь на несколько дней.

Посылаю Вам миниатюру Зиммеля о Дузе. Простите, что в переписке она вышла такой склеенной из кусочков. Я вырезал ее из большого материала, накопившегося у меня в результате “литературных раскопок”. Очарование Зиммеля как философа в том, что он несколькими словами умеет поднять самые большие вопросы и открыть в небольшом фрагменте самые глубокие философские перспективы.

Еще раз благодарю Вас за снимки. Я их послал уже в Берлин.

С сердечным приветом и искренним уважением. Ваш Е. Шор

¹ НУБИ, Агс. 4° 1521, ед. хр. 21, машинописная копия без подписи.

² Надежда Рафаиловна (Nadia, Надива), жена Е. Д. Шора.

14

О. И. Ресневич-Синьорелли – Е. Д. Шору¹

10 декабря 1931 года

S. Margherita

Hotel Regina Elena

Дорогой Евсей Давидович,

очень Вам благодарна за статью Зиммеля, которую Вы правильно определяете миниатюрой Дузе. Я Вам за нее очень и очень благодарна.²

Я буду в Германии во второй половине января и непременно заеду в Фрейбург, чтобы Вас навестить, и, может быть, заеду с моей дочерью.

Напишите мне, будете ли Вы в Фрейбурге от 15-го января до 15 февраля и где нам там остановиться?

Моя дочь стала работать в четырехлетнем возрасте, т.е. стала делать куклы, которые все находили очаровательными. С тех пор она их делала всегда, но, конечно, они стали все зреее и зреее. Она девочка очень простая, без всякого сомнения, не любила показывать своих работ, а теперь показывает их с большим равнодушием. Работает для собственного удовольствия или, скорее, по собственной внутренней необходимости, что она называет игрою. По характеру она веселая, жизнерадостная, играет с детьми, танцует со своими сверстниками и говорит о серьезных материях с людьми, которым за 40 лет.

Она не читает романов, роман, по ее мнению, не искусство, обожает сказки, легенды, философию, поэзию, театр. В гимназии в четвертом классе она перевела с латинского *le Favole di Fedro*³ и очень интересно иллюстрировала, перевела и иллюстрировала тоже “Сиракузане” Теокрита. Я Вам завезу эти детские вещи. Она не говорит и не пишет о своем внутреннем мире, но выражает его красками и пластикой.

Жму сердечно Вашу руку и сердечный привет Вашей жене, с которой очень рада буду познакомиться.

Ваша Ольга Ресневич-Синьорелли.

¹ НУБИ, Агс. 4^о 1521, ед. хр. 21.

² См. письма от 19 октября и 2 декабря 1931 г.

³ Басни Федра.

15

Е. Д. Шор – О. И. Ресневич-Синьорелли¹

19 декабря 1931 года
Фрейбург

Дорогая Ольга Ивановна,

сердечно благодарю Вас за Ваше любезное письмо. Нас обоих очень обрадовала перспектива свидания с Вами и Вашей дочерью. А все, что Вы сообщаете о жизни и творчестве молодой художницы, необычайно интересно, и еще более заставляет нас желать познакомиться с нею. В нескольких словах Вы сумели дать живой и пластичный образ ее внутренней жизни.

Между 15 января и февраля мне, возможно, предстоят будут доклады в разных городах Германии. Сейчас это еще неопределенно, т. к. не знаю, сумею ли я согласовать свое свободное время с теми датами, которые мне предлагают. Во всяком случае, я буду держать Вас в курсе расписания своего времени, прошу и Вас также держать меня в курсе Ваших планов и передвижений для того, чтобы мы могли бы, действительно, встретиться в Германии и продолжить наши былые беседы.

Шлю Вам самые сердечные приветы от жены и от меня.

Искренне преданный Вам. Е. Шор

¹ FSFC (папка "E. Shor").

16

Е. Д. Шор – О. И. Ресневич-Синьорелли¹

11 марта 1932 года
Berlin

Многоуважаемая Ольга Ивановна,

пользуюсь любезностью Вашей дочери и прилагаю несколько слов к ее письму. Сердечно благодарю Вас за присылку рисунков и иллюстраций. Все они очень интересны, более поздние совсем закончены и

художественно зрелы. Общая концепция книги, которая будет называться “Трагическое искусство Марии Синьорелли”, уже готова и в значительной степени осуществлена. Фрагмент из набросков книги я дал для каталога; в нем Вы найдете, в сущности, основную идею книги. Последнюю неделю мы изо дня в день работали над съемкой фигурин. Работа доставила нам большое удовольствие, так как дала возможность и ближе познакомиться с Марией, и глубже проникнуть во все детали ее произведений. Сегодня все фигурины должны окончательно собраться у Гурлитта.² С нетерпением ожидаем мы все открытия выставки. Надеюсь, что выборы не помешают,³ и выставка будет иметь заслуженный успех.

Со следующей недели мы начинаем работать над результатами съемки. Одновременно я буду заканчивать текст. Надеюсь, что к концу месяца книга будет готова. Однако, этим моя работа над философским осиливанием искусства Марии не окончится, и если ничто этому не помешает, то вторая книга будет называться “Театр Марии Синьорелли”. Это – в следующем году. Поэтому я очень прошу Вас, дорогая Ольга Ивановна, посылать мне и в дальнейшем все материалы, связанные с творчеством Марии.

Каталоги будут готовы завтра, и, конечно, несколько экземпляров будут немедленно отправлены Вам. Мне будет очень интересно и важно узнать Ваше мнение по поводу мыслей, изложенных в моем предисловии.

Ваше пребывание в Берлине и наши встречи оставили у нас самые лучшие воспоминания. Мы сожалели лишь, что Вам пришлось так скоро уехать из Германии. Надеемся, что нам придется скоро вновь увидеться с Вами. Буду Вам очень признателен, если Вы от времени до времени будете сообщать мне о ходе работы Вашей над книгой о Дузе.

Шлем наши самые сердечные приветы Вам и Вашей семье.

Преданный Вам Е. Шор.

Сердечно обнимаю Вас. Ваша Н. Шор

¹ FSFC (папка “E. Shor”).

² Речь идет об открытии выставки Марии Синьорелли в Берлине, в Galerie Gurlitt (Matthäikirchstr. 27) (март 1932 г.). Е. Д. Шор – организатор выставки и автор предисловия в программе экспозиции.

³ 13 марта 1932 г. состоялись последние президентские выборы в Германии периода Веймарской республики.

17

О. И. Ресневич-Синьорелли – Е. Д. Шору¹

3 апреля 1932 года

Рим, Via XX Settembre 68

Дорогой Евсей Давидович,

простите, что до сих пор не поблагодарила Вас за чудное предисловие к каталогу и за любезное сообщение об открытии выставки. Ваше тонкое и глубокое понимание, Ваше проникновение в суть ее творчества поражает и трогает меня до глубины души. Все, которые читали Ваше предисловие, находят ее <так!> – в высшей степени интересной, и до того чтобы <так!> уехать из Рима (я еще в Риме и, возвращаясь из Берлина, была уверена, что уеду не позже 7-го марта, и это Вам объяснит мое молчание и поможет заслужить Ваше прощение), я ее <так!> переведу и дам напечатать в какой-нибудь из здешних газет.² Если Вы могли бы прислать еще и снимок,³ то была бы очень благодарна. Вспоминаю с тоскою Берлин и наши беседы, которые, как всегда, очень многое мне объяснили, объяснили мне многое во мне и вокруг меня. Видала тут и продолжаю видеть многих людей, но большинство из того, что говорится, стекает, как с гуся вода.

Вскоре, не позже чем через неделю, уеду на север и снова возьмусь за мою работу и душевно продолжу наши беседы.

Очень Вам благодарна за все, и больше всего за Ваш восторг к искусству Марии и за дружеское отношение к ней. Сердечный привет Вашему товарищу и другу, Вашей милой жене. Я была очень, очень рада видеть Вас спокойным и счастливым.

Сердечно жму Вашу руку. Ольга Ресневич.

¹ НУБИ, Агс. 4° 1521, ед. хр. 21.

² Перевод предисловия Е. Д. Шора обнаружить в итальянской печати не удалось, а в архиве Синьорелли текст отсутствует. См. немецкий оригинал на страницах 394-395.

³ Фотография одной из кукол М. Синьорелли "Der Geiger" (Скрипач, 1930), сделанная для обложки программы выставки в Galerie Gurlitt Н. Р. Шор (Nadia Schor). В предисловии Шора существенная часть текста связана с анализом этой фигуры.

18

Е. Д. Шор – О. Ресневич Синьорелли¹

20 апреля 1932 года, Берлин

Дорогая Ольга Ивановна,

сердечно благодарю Вас за Ваши письма от 3, 12 и 16 апреля.² Простите великодушно, что не сразу ответил на них. Сначала поездка в

Дрезден, потом – болезнь моей жены (воспаление надкостницы и корней зубов, тянущееся вот уже почти месяц, сопровождаемое сильными болями, температурой и т. п.) помешали мне сразу взяться за ответное письмо. К тому же я все надеялся, что в состоянии Надежды Рафаиловны наступит улучшение, которое даст ей возможность снова взяться за фото-работу. К сожалению, улучшение это до сих пор еще не наступило, врач не разрешил ей еще возню с химикалиями и, боюсь, что она сумеет вернуться к фотографии только к началу мая. Мне очень, очень жаль, что я не мог сразу исполнить Вашу просьбу и прислать Вам необходимые для “Scenario”³ материалы. Однако я надеюсь, что можно будет навестать упущенное и поместить в следующем номере этого журнала статью о “Театре” Марии.⁴ К тому же, журнал этот, видимо, не очень торопится осуществить свое намерение: на выставке со мною познакомился представитель этого журнала и просил <у> меня снимки с театральных вещей Марии. Я обещал ему мое содействие и дал ему свой адрес и телефон, но до сих пор напрасно ждал его телефонного звонка или посещения. Симпатичнее оказался проф. Цульберги,⁵ который в середине марта посетил меня и получил ряд снимков для его журналов (я дал ему 4 снимка с фигурин дотеатрального периода, не имеющих принципиального значения для книги). На днях я осведомился у него о том, когда же будет напечатана его статья о Выставке; он сообщил, что это произойдет в ближайшем времени и что он обязательно пришлет мне несколько экземпляров тех номеров, в кот<орых> появятся его статьи о Выставке. Лишь только получу их, немедленно передам Марии, чт<обы> она с ними ознакомилась и переслала бы Вам.

Поездка в Дрезден была очень интересной во многих отношениях. Дрезден был ведь еще три года тому назад одним из самых оживленных художественных центров Германии. Говорили даже, что он готовится взять на себя роль былую Мюнхена и стать “немецкими Афинами”. Сейчас картина резко изменилась. Культурная жизнь общества замерла. Духовные и художественные интересы остаются живыми лишь <в> отдельных, изолированных кругах – вокруг культурно-исторического отделения Высшей Технической Школы, одним из профессоров которого состоит Степун, в тесном кругу музейных деятелей, в профессионально-художественном кругу Академии. Круги эти очень замкнуты, и для дрезденцев, не принадлежащих к ним по своей профессии, почти недоступны. Настолько, что мои неакадемические дрезденские друзья с некоторою завистью констатировали, что мне, иностранцу, открыт доступ в те сферы, с которыми они не могут войти в соприкосновение. Настроение дрезденского общества очень подавленное. Кое-где лишь наталкиваешься на “катакомбы духа”. Лишь там, где в центре жизни стоят духовные интересы – не только научные или профессионально художественные, царит вера в будущее и сознание глу-

бокого значения переживаемой эпохи. Почти везде господствует подавленность кризисом. Так что не раз приходилось мне “проповедовать” и призывать людей к тому, чтобы они забыли хотя бы на мгновение свои обыденные интересы и всей душой обратились бы к подлинным, духовным ценностям жизни. По тем письмам, которые я получил после отъезда своего из Дрездена, я вижу, что не напрасны были мои слова, что люди готовы обратиться к подлинной жизни, и не хватает лишь живой идеи и пламенного слова, чтобы захватить их и дать новое направление их существованию. Откуда новое слово придет, предугадать трудно, но мир, несомненно, созрел для страшного суда, и всеми чуткими душами события последних десятилетий воспринимаются как “аз воздам”.

Мои рассказы об искусстве Марии не встретили дрезденцев врасплох. Благодаря тому, что я в феврале еще писал Степуно о “фигуринках” и о предстоящей Выставке, некоторые из его друзей решились даже посетить Берлин в один из “Wochenend’ов”⁶ и побывали на Выставке. К тому же в Дрездене появилась художница, которая тоже выработала совершенно особенную технику, на первый взгляд словно схожую с творчеством Марии, но по существу совершенно отличную от него, – художница, случайно пришедшая к “куклам” и создавшая несколько очень интересных и значительных пластических фигур – из материи и дерева. Конечно, все посетители Выставки Марии и все те, кому я показывал снимки с ее произведений, были в восторге от ее искусства. Однако – и это очень огорчило меня: публика, так же как и берлинская критика, с необычайным одобрением отзывавшаяся о Выставке, отнеслась в общем к искусству Марии как к миру кукол, к миру фантастики и сказки. О том, что искусство Марии – Большое Искусство (Grosse Kunst) и что в нем заключается возможность обновления театра, находящегося в кризисе, как все сейчас в Европе, – в этом мне приходилось вновь и вновь убеждать моих слушателей, которые с трудом решались расстаться с общепринятыми признаками Большого Искусства (мрамор, дерево, бронза или глина...) и стать на совершенно новую и для них необычную точку зрения: оценивать искусство не по прочности материала его, но по его духовному напряжению и маэстрии технического выполнения.

Со Степуном, который очень сожалел, что ему не удалось познакомиться с Вами и Марией лично, мы подробно обсудили, в каком порядке надо предпринять “завоевание” Германии для искусства Марии. Степун полагает, что выход в свет книги об искусстве Марии сыграет в Германии большую роль: немцы привыкли ведь ко всему подходить с научной и философской точки зрения, и самый факт появления научно-философской книги заставит их отказаться от кукольного взгляда на

искусство Марии и отнестись к нему так, как оно того заслуживает, – как к Искусству Театра.

Степун, конечно, со всей готовностью предоставил в мое распоряжение свои литературные и издательские связи и советовал мне спешить с окончательной редакцией книги, так как с каждым месяцем все труднее и труднее становится в Германии положение издательского дела, и в связи с этим затрудняется возможность издания книги об искусстве, которая рассматривается сейчас как роскошь. После того как книга выйдет в свет, возможно будет подумать также и о лекциях, посвященных творчеству Марии. Выставки, лекции и книга – таковы три формы, в которых должна быть завоевана Германия для искусства Марии.

За последние недели мне удалось нащупать почву для выставок и лекций. У меня есть уверенность, что в Дрездене, Штуттгарте, Фрейбурге и др. городах Германии возможно будет организовать выставки и лекции без всяких затрат. Во всяком случае, все мои связи будут, конечно, к Вашим услугам. Мои друзья в Штуттгарте и Фрейбурге прямо написали мне, что они возьмутся за хлопоты и устройство, лишь только книга выйдет в свет и даст им объективное основание их хлопотам.

Конечно, дорогая Ольга Ивановна, возможность поместить в каком-нибудь журнале фрагмент из книги, да еще с соответствующими иллюстрациями (естественно, что иллюстрации из книги без моего текста, в особенности из театральных композиций, дать нельзя, т. к. это нанесло бы ущерб книге), может быть благоприятна для успеха книги. Правда, я очень разборчив и не всякому журналу дам выдержку из книги. Но раз Вы сами рекомендуете “Scenario”, то мои сомнения отпадают, и я готов предоставить ему несколько страниц текста с соответствующими иллюстрациями. Пусть “Scenario” сообщит Вам или, чтобы Вас не затруднять и не затягивать этими делами Ваш отъезд, пусть прямо напишет мне (хотя бы по-итальянски) желательный ему размер текста и количество иллюстраций. Чтобы не затруднять Вас этими делами и не задерживать Ваш отъезд – потому что все те, кто с нетерпением ждет Вашей книги о Дузе, хотели бы видеть Вас вдали от жизненной суеты, в трудной и радостной творческой работе.

Надеюсь, Ольга Ивановна, что в следующем письме Вы уже сообщите мне о вновь начавшемся романе Вашем с Вашей будущей книгой. Когда после долгой паузы вновь принимаешься за работу, работа – ревнивая к светским рассеяниям и недовольная разлукой – неохотно идет навстречу творческому нетерпению. И здесь надо иметь много выдержки и настойчивости, и веры в свои силы, чтобы не огорчаться своими печальми и не отчаиваться своими отчаяниями. Как в жизни, так и в творческой работе, надо уловить ритм приливов и отливов, радостей и

огорчений, вдохновений и затиший, и в период затишья готовить материал и силы, чтобы момент вдохновения не застал бы безоружным и слабым. В этом, я думаю, вся мудрость и вся трудность творческой жизни.

Простите за бесконечно долгое письмо. Примите его размеры как просьбу не посетовать на долгое молчание.

Шлем Вам и Вашей семье наши самые сердечные приветы.

Ваш Е. Шор

¹ FSFC (папка “Е. Shor”), НУБИ, Arc. 4° 1521, ед. хр. 21, машинописная копия.

² В письмах от 12 и 16 апреля содержится просьба О. Ресневич-Синьорелли прислать фотографии “фигурин” Марии для журнала “Scenario”, специальный номер которого должен быть распространен во время VI Международного конгресса Мирового театрального общества (Société Universelle du Théâtre), происходившего в Риме с 25 по 28 апреля 1932 г. В подписях к фотографиям должно быть указано, что они взяты из готовящейся к печати книги профессора Е. Шора о трагическом искусстве Марии Синьорелли. Кроме того, предполагался к печати фрагмент самой книги Шора в переводе на итальянский язык. Начиная с мартовского номера “Scenario”, стали появляться статьи и анонсы о конгрессе, а в майском выпуске появилась хроника заседаний (“Il VI congresso della Società universale del teatro”. P. 52-53).

³ Театральное обозрение “Scenario” было основано и выпускалось в 1932-1936 гг. Silvio D’Amico, известным итальянским писателем, театральным критиком, сторонником идеи национального итальянского театра. Его имя носит сейчас итальянская Национальная академия драматического искусства в Риме. Silvio D’Amico был большим почитателем таланта Э. Дузе.

⁴ В “Scenario” выдержек из книги Е. Д. Шора не появилось, но была опубликована статья главного редактора журнала, Паоло Милано (за подписью Р. М.), под названием “Le bambole teatrali di Maria Signorelli” с четырьмя иллюстрациями работ Марии (Scenario. 1932. № 6. P. 31-32), где книга Шора полемически упоминается, поскольку рецензент не согласен с трактовкой искусства Марии как трагического. О Паоло Милано см. в письме № 19, примеч. 1.

⁵ Очевидно, речь идет о журналисте, критике, переводчике и полиглоте Таулере Цульберти (Taulero Zulberti), который регулярно сотрудничал в “Coggiere della Sera” и “Il Resto del Carlino”. Среди его переводов стоит упомянуть произведения Чапека (*Ciapek K. L’affaire Makropulos. Milano: Casa Editrice Alpes, 1926*) и Гауптмана (*Hauptmann G. Il fantasma. Bologna: Cappelli, 1928*). О нем. см. *Mussi D. Scritti su Taulero Zulberti // Judicaria. Agosto 1990. № 14. P. 23-24.*

⁶ Wochenende – конец недели (нем.).

19

О. И. Ресневич-Синьорелли – Е. Д. Шору

3 мая 1932 года

Рим

Дорогой Евсей Давидович,

очень Вам благодарна за Ваше любезное письмо от 20-го апреля, за Вашу дружбу и за Вашу веру в Марию и в меня. Очень Вам благодарна за все то, что Вы делаете и намереваетесь делать для Марии, несмотря на всю трудность данного момента. Иметь такого верующего и преданного друга, как Вас <так!>, – это ведь значит иметь самое великое благо, что может дать нам жизнь.

Надеюсь, что здоровье Надежды Рафаиловны поправилось и что вы можете работать с тем душевным спокойствием, которое одно из главных основ всякой сосредоточенности. Мы все были бы, конечно, очень рады, если бы удалось устроить те выставки и лекции, о которых Вы хлопочете.

Относительно поездки Марии в Россию Вы, конечно, ее можете посоветовать лучше всех остальных. Я думаю, что если она хочет ехать, это она может делать, но о выставке в России лучше не думать в этом году и лучше сосредоточить все усилия для завоевания Германии.

Я говорила с секретарем “Scenario”, и он был бы рад иметь от Вас фотографии Марииных работ. Они могли бы поместить 3-4 фотографии (скрипача и 2-3 от театральных работ, или все от театральных работ) и 800-900 слов (не букв) текста, короткого и синтетически объяснительного, но не длиннее этого, и чем короче и синтетичнее, тем лучше для Италии. Для книги это была бы хорошая реклама, но они очень просят, чтобы все это было бы прислано им не позже, чем до 12-13-го мая, чтобы могло быть помещено в следующем номере. Главный редактор и секретарь Scenario перевел бы Ваш текст. Для дальнейшего упрощения Ваших отношений даю Вам его адрес: Dott. Paolo Milano (redattore capo della rivista Scenario).¹ Monte Savello 30, Roma.

Мы все переболели простудой, и погода прескверная, и я еще тут, но надеюсь уехать очень скоро.

Где Вы будете летом? Уезжая, возьму с собою Ваше письмо для освежения наших незабываемых бесед.

Привет вам обоим и крепко жму руки.

Ваша Ольга Ресневич

¹ Паоло Милано (Paolo Milano, 1904-1988) был главным редактором журнала “Scenario” с 1932 по 1936 г. и сотрудничал с 1931 до 1935 г. с литературным журналом “L’Italia letteraria”. Расовый закон фашистского режима заставил его эмигрировать в

Париж, где он сблизился с Andrea Caffi; в 1940 г. переехал в Нью-Йорк, где жил пятнадцать лет. Вернувшись в Италию, он начал сотрудничать с журналом "Tempo presente", основанным Ignazio Silone и Nicola Chiaromonte. С 1957 по 1987 гг. вел в журнале "L'Espresso" популярный обзор книг в разделе "Il Libro".

20

О. Ресневич-Синьорелли – Е. Д. Шору¹

Понедельник, 16 мая 1932 года

по дороге к Генуе

Дорогой Евсей Давидович,

вот я, наконец, по дороге к тем местам, где жила осенью. Если буду чувствовать себя хорошо, то останусь и надеюсь работать, если нет, то поеду, где свежее. Мои мысли к Вам летят с нежной благодарностью и доверчивостью, так как Вы так трогательно верите и в мою работу.

Мне звонил Paolo Milano (via Monte Savello 30), что ничего от Вас не получил и очень жалеет, так как если не получит еще через 2-3 дня, будет обязан опубликовать фотографии, которые сделаны в Риме, и кое-что сам написать, чтобы не писать о Марии через слишком большое расстояние от выставки. Вы не доверяйте берлинскому корреспонденту, но пишите сами ему. Может быть, Вы ему можете написать, по крайней мере, библиографические сведения о книге, потому что все-таки было бы хорошо, чтобы о ней упомянулось в этом главном журнале. Может быть, после появления книги можно будет о ней написать. Я боюсь, что Ваше молчание связано с здоровьем Вашей жены, и если это так, то мне это очень больно. Мария писала недавно, что она еще не совсем поправилась.

Простите невозможный почерк, но поезд очень шатается и бежит быстро. Пишите мне на Albergo della Punta, Camogli (Genova), где я пробуду, по крайней мере, некоторое время.

Сердечно жму ваши руки. Ольга Ресневич

¹ НУБИ, Arc. 4° 1521, ед. хр. 21.

21

Е. Д. Шор – О. И. Ресневич-Синьорелли¹

16 июня 1932 года

Берлин

Дорогая Ольга Ивановна,

с грустью должен констатировать, что со времени моего последнего письма прошло почти два месяца. За это время у нас было очень беспокойно. Здоровье Надежды Рафаиловны не только не улучшилось,

но наоборот, осложнилось ревматизмом сильным, сложным и длительным, пригвоздившим ее на три недели к постели и окончательно спутавшим наши летние планы. Сейчас, слава Богу, болезнь понемногу проходит, и я снова могу вернуться к своим занятиям, письмам и книгам. Неотвеченная корреспонденция приняла угрожающие размеры. Со всех сторон звучат изумленные и полные укора голоса. Стараюсь прислушаться к ним и уловить, что они ждут от меня. Но последние дни стоит такая упоительная погода, ветер несет с собой воспоминания о море, и солнечный свет превращает всю тяжесть берлинской действительности в сон и небыль, и все сильнее и настойчивее звучат зовы юга, обещая иную природу и другое, еще более яркое солнце; невольно покидаешь сознанием немецкую землю и уносишься в итальянскую заросшую даль.

Вы вернулись из Павии в Камольо,² в одинокую гостиницу, куда добраться можно только на лодке и где никто не нарушит Вашего добровольного одиночества. Море и небо глядят в Ваши окна, морские пинии шумят у дверей. Вы ушли от мира, остались одни со своими переживаниями, мыслями, со своей работой. Образ Дузе, который не покидает Вас никогда, становится теперь ближе, осязательнее, глубже; так осязательно близок он Вам, что почти невозможно творчески осилить его и передать его на бумаге. В этом сказочном мире Камольи, полном жизни, волнения и красоты, единственной реальностью становится для Вас Ваша новая встреча с Дузе, единственной реальностью и поэтому источником страдания, сомнения и тревог.

Большая ответственность, тяжелый и радостный долг лежит на Вас, Ольга Ивановна: кому же, как не Вам, вызвать к жизни и навсегда запечатлеть трагический образ этой единственной и бесконечно одинокой артистки и женщины? Весь этот мир она готова была принять в себя, со всеми таящимися в нем страданиями, печалью и злом, и вернуть его людям преображенным ее творческим усилием, словно вновь рожденным в материнском лоне ее творческой души, — сияющим и прекрасным. Ее чуткая музыкальная душа не переставала изнывать и томиться несовершенствами земного бытия, дисгармониями человеческой жизни; но бесконечно добрая, не могла она отвернуться от этого мира и уйти и замкнуться в холодный мир аполлонийской красоты; страдая и исходя страданием, она не могла оторваться от мучительного зрелища человеческой скорби, людского несовершенства и греха, потому что обречена была на трагическую любовь к миру и людям, которым она несла своим искусством свет, радость и новую жизнь, но которые не смогли понять всю глубину ее жертвы и не умели принять из ее рук ее несравненного дара. Недаром, усталая от этой неравной борьбы, она любила играть перед пустым залом...

Missa della Plata 15/7/32
Amorli (Lavori)

Ваше письмо, в котором вы спрашиваете, почему
старая Митановина и в своем издании
не имеет в виду ее возможности как с точки
зрения, а не как вы думаете, было бы
за нее пропущено, которое, которое
вы бы могли при вас себе.
Ваше письмо читая, как будто вы
с вами и согласны в этом, и вы
посмотрите, как вы себя покажите
как руководитель, и вы увидите, как
старая вы и в рамках, как вы увидите
наши разговоры, и вы увидите, как
и вы увидите, как вы увидите
и вы.

Ваше письмо и вы увидите, и вы увидите
как вы увидите, как вы увидите, как
вы увидите, как вы увидите, как вы увидите.

Автограф письма О. И. Синьорелли Е. Д. Шору от 15 июля 1932 г.

Я боюсь, что между Вами, между тихим образом неслышно посещающей Вас теперь Дузе – и между Вашей работой вырастает весь тот мир, от которого Вы ушли в одиночество Камольо. Не случайно жития отшельников и святых полны рассказов об искушениях: покинутый мир мстит тому, кто хочет уйти от него, и вторгается удесятеренными шумами горящими образами в тишину и сумерки, и полусвет одиночества. Удалось ли Вам справиться с одиночеством и тишиной? Это большая задача. И если творчество не настигает человека, как неотвратимая сила природы, как гроза и землетрясение, то много сил должен потратить человек, чтобы расчистить в себе самом пути своего вдохновения. Он ждет вдохновения, как нечаянной радости, и не знает, что только долгим усилием, упорным внутренним трудом становится он достойным и способным принять этот светлый дар, набрести на радостную, легкую минуту вдохновения.

16-го мая Вы пишете мне: “Если буду чувствовать себя хорошо, то останусь и надеюсь работать, если нет, то поеду, где свежее”. Эти слова опечалили меня: Вы скверно чувствуете себя, Вы больны? или эти слова относились к работе и говорили о Ваших сомнениях найти в Камольо желанный покой для работы? Сегодня я получил несколько слов от Олечки;³ она упоминает, что Вы посетили Павию. Нашли ли Вы там, что искали, и вернулись ли в Камольо с новыми силами для работы?

Вы так хорошо рассказываете о Дузе. Как-то сказали Вы – или хотели сказать: как легко все это рассказать, как трудно написать об этом. Письма – ведь те же рассказы. Как часто в письме без труда находишь форму изложения, которая не дается в книге, статье. Иногда надо изложение своих мыслей начать в письме к внимательному другу: найденную форму легко перенести в свою работу и, следуя ей, свою работу осуществить.

Однако пора кончать. Еще много писем ждет моего ответа.

Шлю Вам, дорогая Ольга Ивановна, наши самые сердечные приветы.

Жму Ваши руки. Ваш Е. Шор.

Шлю Вам свои сердечные приветы Н. Шор.

¹ FSFC (папка “E. Shor”); НУБИ, Агс. 4° 1521, ед. хр. 21, машинописная копия.

² Должно быть – Камольи (Camogli).

³ Имеется в виду Ольга Александровна Шор. О поездке О. Синьорелли в Павию в начале июня 1930 см. в “Тройной переписке” в первом томе наст. издания.